

Федор КАМАЛОВ

Здравствуй, Артем!

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Глава первая, о себе

Много ли человек знает про себя? Много ли может написать о себе? «Я, Артем Остролуцкий, учусь в 7 «Б» классе». Все.

Другое дело попробовать рассказать о себе... Можно каждую строчку в биографии вытянуть до Москвы. Допустим, первое слово из биографии: «Родился...» В избушке посреди леса я

родился. Отец работал лесником. Ближайший сосед жил в двенадцати километрах от нас на другом кордоне. Его звали Серафимом. Зимой он приходил к нам на лыжах и приносил на спине самовар, а в блестящем самоваре гремела ледяная клюква с промерзших болот. Я доставал ягоды из самовара и делал маме красные бусы.

Серафим подсказал родителям мое имя: «Все орем?», «Все растем?» — Артем.

До семи лет я видел чужих людей несколько раз. Потом родилась горластая Ленка, и мы пе-

реехали жить в подмосковный город. И в памяти о той лесной жизни осталось немного.

Перед нашим домиком лежало плоское озеро, похожее на блин. Рыбы в озере сроду не водилось. Озеро хранило серую мертвую воду. Но по утрам, когда вставало солнце и просыпался лес, наш домин наполнялся чудо-розовым дрожащим светом и пением птиц.

Однажды отец принес мне с ночного обхода хромого лисенка. Потом выяснилось, что лисенок только притворялся несчастным и вообще оказался большим хитрецом. Первые дни он жил под кроватью и шипел на ноги проходивших мимо. Но вскоре обжился. Бегал по комнате, совал нос в кринки, в кастрюли. Когда мама шлепала его за проказы, лисенок прятался за печку и вздыхал там. Стоило мне его шлепнуть, он хватал меня за штанину и пытался утащить в темный угол, чтобы расправиться.

Вечером он с визгом бросался навстречу отцу, и, когда подбегал я, руки у отца уже были заняты. Я мучился черной ревностью. В пору спелой малины я тайком утащил лисенка за озеро. И все.

Пролились осенние дожди. Потом пришли снега, укрыли землю. И вдруг я стал ждать, что озябший лисенок однажды попросится в наш дом, к теплой печке.

Нет — ни голоса, ни следа у дома. Может, он ушел от обиды в другие леса, к другим людям? А может, совсем ушел от людей.

До сих пор, а мы уже давно живем в городе, я слышу внутри себя некий укоризненный голос: «Эх ты, а еще человек!» «Я же дикого зверя отпустил на волю!» — отвечаю я. А этот «некий голос» все бормочет. «Мне, что ли, надо было уйти?» — говорю сердито. А он снова бубнит... «Да ты кто такой?» — спрашиваю зло. Молчит.

По какому праву этот внутренний голос пристает ко мне, постоянно смущает меня?

Кто он? Что это за голос? Может, совесть? Чем я взрослее, тем чаще слышу в себе внутренние голоса.

Человек, по-моему, как матрешка, состоит из нескольких человек, мал мала меньше.

Я иногда представляю, что состою из нескольких Артемов.

Если бы вдруг ко мне приехали представители народов Земли и сказали:

— Артем, до сих пор на нашей Земле существуют голод, болезни, убийства, войны, людские страдания. Если ты согласишься, чтобы тебя замучили самыми страшными муками, настает счастливая эра — люди будут жить, не страдая. Если согласишься на самые страшные муки, Артем!

— Ну, конечно, я согласен! — выпятив грудь, отвечу я.

А второй Артем, поменьше, захнычет:

— Самые страшные муки!.. А почему именно я!.. Почему не сосед или кто-нибудь другой?!

Третий Артем воскликнет:

— Гей-гей! Я стану вечным героем Земли!

Четвертый задумается:

— Неужели нельзя переделать мир по-другому, без страшных мук?!

И, наконец, пятый вымолвит:

— Эх! Зато на несчастную, настрадавшуюся мою планету придет жизнь без зла!

Шестой... молчит. Да живет ли, есть ли он во мне — шестой? Кто он — трус, герой или мудрец? Может, его еще нет, может, он появится позже, с годами?

А потом еще и седьмой?..

Наверное, никто не знает себя до конца, до доньшка, до всех тайников.

Самая маленькая матрешка по законам красоты должна быть самой красивой.

Если бы знать, что в глубинах души каждого человека таится прекрасное!..

«Хорошо учись, читай больше книг, воспитывай в себе честность, благородство, смелость!» — часто слышу я наставления взрослых. И в то же время вижу в жизни немало примеров, когда сами взрослые своими поступками сеют в нас сорное. Мне однажды открылось, что воспитывает меня не наставлениями, а своей жизнью — тот, кто сам честен, смел и благороден.

Глава вторая, о друзьях и недругах

Наши матери не устают удивляться:

— Как это вы, такая равная публика, дружите?

Дружим вот с первого класса: Мишка Сивец, мы его зовем Отшельником, Сережка Мельников и я. И не жалуемся на свою дружбу.

Когда мы учились в третьем классе, я увидел из окна дома, как Сережку уводят за собой цыганки. Я подумал, они его околдовали. Ну, может, не околдовали, а как-то приворожили. Белобрысый Сережка развесил уши, идет с ними. Я выскочил из дома, заметался: кинуться за Сережкой — вдруг цыганки и меня заговорят и уведут? В милицию звонить — пока тренировка, Сережка может оказаться в таких краях, что самая гениальная собака не разыщет.

Тогда я погнался за цыганками на велосипеде с сумасшедшим криком:

— Серый! Ваш дом горит!

Вот цыганки удивились: был Сережка, нет Сережки! Я на велосипеде еле догнал его.

— Где горит?..

— Серый, я про «горит» придумал, чтобы тебя выручить! Они же тебя утащат!

Он посмотрел на меня так, будто я на велосипеде вниз головой сижу.

— Не даст магазин показать людям! — И побежал снова за цыганками.

Сережку можно водить за нос, пока самому не надоест.

— Серый, — говорю ему, — позавчера из Академии наук улетела говорящая сова. Сейчас по ночам вокруг Москвы самолеты с неводами летают. Сову пока не нашли, зато две молодые бабы-яги попались. По-русски ничего не смыслят, на каком-то древнем бабоягском языке лопочут.

— А как же с ними объясняются?

— По азбуке глухонемых.

Вот на такие детали Сережка и ловится, как пескарь: «Вот это да!» К седьмому классу он, правда, научился произносить две недоверчивые фразы: «Ну да-а!» и «Иди ты!», но все равно верил. Иногда мне кажется, что я со своими сомнениями старше Сережки на сто лет. Сережка живет быстрой, летучей жизнью, а я медленной, тяжелой.

По-моему, Отшельник — Мишка Сивец — начал говорить пословицами и даже афоризмами с раннего детства.

Я отношусь к Отшельнику примерно так же, как француз к своей Эйфелевой башне: сам давно не удивляется этому чуду, привык, но ревниво смотрит, чтобы удивлялись другие.

Отшельник, едва научился читать, стал выискивать в книгах умные мысли, высказывания мудрецов. Потом завел толстую тетрадь, которую назвал «Жемчужины».

В начальных классах дружится просто: с кем рядом сидишь, с кем по пути домой, с кем одинакового роста, кто марку дал...

Говорят: «Хороший человек тот, с кем мне хорошо». Мне хорошо со многими. А друзей двое.

— Отшельник, почему мы с тобой дружим?

И я увидел, как чуть не впервые в жизни Отшельник растерялся.

— Как это почему? Люди мы близкие... вот и дружим.

— И все?

— Послушай, Артем, — сказал он, — если ты хочешь услышать от меня формулу дружбы, так я не знаю ее! Я даже не знаю, есть такая формула или нет!..

— Сережка, почему мы дружим?

— Потому что для нас это хорошо, — беззаботно сказал Сережка.

Папин брат иногда разговаривает с маленькой фотографией солдата. И это мне казалось непонятным.

— Это мой лучший фронтовой друг, — сказал папин брат.

— Но ведь вы же рассказывали, что он на фронте... его же нет!

— Это для тебя нет! Для тебя его не было

и нет сейчас. Для меня он был, есть и будет, пока я живу!

Зимним вечером на скамейке у нашего дома мы отдыхали после катка. Вокруг скамейки, как секундная стрелка, ходила по утопанному кругу тихонькая Жанна, Сережкина соседка.

— Мать, наверное, пироги дома печет, а ты здесь нос морозишь, — сказал ей Сережка.

— Не-е, мама на работе, — простуженно ответила Жанна.

— Телевизор включи, как раз шикарные передачи идут.

— А нету у нас.

— Ну просто иди домой! — подсадовал я. — Чего на морозе-то!

— Я ключи потеряла, — трагическим шепотом сообщила она.

Тогда я забежал к себе домой и сказал Ленке:

— У тебя полный дом родных, и все о тебе заботятся! А у Жанны даже отца нет! Она одна на улице! Быстро одевайся!

Ленка человек исполнительный. Прикажи ей: «Четыре дня дружи с Жанной» — добросовестно исполнит приказ. Она увела Жанну к нам в гости.

— У большого человека большое горе, у маленького — маленькое, — стал философствовать Отшельник.

— Ничего себе маленькое — отца нет! — не согласился Сережка.

— Да я не про отца...

— Завтра куплю ей два мороженых!

— Память об этом добре растает так же быстро, как само мороженое.

— Тогда голубя подарю!

— Зачем птенцу большая птица! — пропел Отшельник. — Не это ей нужно!

— Ты, что ли, нужен?

— И я, и ты, и все на свете! Друзья ей нужны. Понимаешь?

— Твоя правда, Отшельник! — сказал я. — Надо в отряде поговорить, чтобы все наши тимуровские пятерки занялись вот такими пацанами и девчонками! Ищем ветеранов, одиноких стариков, а такое вот одиночество не видим!

Повернется ли у кого язык сказать: провались все друзья в тартарары, не нужно мне ни одного?..

— Я ни разу не слышала, чтобы пионер Миша Сивец выступил! — заявила как-то на сборе отряда старшая вожатая Марионетта Григорьевна. — А хотелось бы послушать!

Отшельник встал. И ни слова.

— Может, тебе не интересна тема сбора: что такое настоящая дружба и чем она отличается от мнимой? — спросила Марионетта.

Отшельник пожал плечами. Я смотрел на него с ожиданием. Сбор состоялся как раз после нашего с ним разговора о дружбе. Не мог же Отшельник не думать об этом.

— Ну, Сивец, слушаем!

— Он, Марионетта Григорьевна, внутри се-

— На каждый Сережкин фонарь
дай подробное объяснение,—
сдержанно сказал я Волоху.

бя знает, а высказать не может,—будто бы
пришел на выручку Отшельнику Даянов, пер-
вый в классе подхалим и тупица.

— Никудышный из тебя оратор, Сивец!

— Сивецкий оратор! — бросил Арсентьев.

Все привычно засмеялись.

— Нормальный оратор и человек получше
некоторых! — сказала я.

И Сережка:

— Да, получше!

— Ага, Остролуцкий и Мельников, вы ведь
его друзья?

— Мы друг другу три сердечных друга! —
сказал я вызывающе.

— Можешь ты нам рассказать, Сивец, поче-
му? По каким признакам или качествам ты раз-
деляешь людей: друзья, не друзья? Почему, до-
пустим, ты не с Даяновым, а с Мельниковым
дружишь?

— Лучше с умным потерять, чем с Даяно-
вым найти, — хмуро сказал Отшельник.

— Вот как! — удивилась Марионетта. — Ты
только с умными дружишь?

— С тем, кто хочет стать умным, тоже
дружу. С тем, кто не хочет, — нет.

— Ты кого-то конкретно имеешь в виду?

— Нет, я вообще.

— Но посмотри, Сивец, вас трое друзей, а в
классе тридцать девять человек. Вы, значит,
умные, а остальные нет?

— Остальные для меня приятные люди и

неприятные. Кто мне приятный—тому я приятель! Кто неприятный—тому нет!

— Это и вся твоя философия?

Отшельник промолчал.

— Садись, Миша! Станные у тебя рассуждения!—сказала Марионетта.

Ничего не странное.

Мы идем по берегу Клязьмы, доходим до лаковых мягких трав и ложимся.

Цветет черемуха. Река, смущаясь своей черноты, словно крадучись, течет мимо белых берегов.

Высоко в небе, так и хочется сказать— в синей глубине— летит самолет.

Замечательно жить.

А ветер носит над землей, смешивая, сладковатый запах ландышей и теплый, болотистый дух застоявшейся воды.

Произнеси слова: не приятель—неприятель, не друг—недруг. Когда нет расстояния между предлогом и словом, значит, есть широкая пропасть между тобой и тем человеком, о ком ты говоришь.

Отшельник говорит: «Если хочешь иметь друга, сначала сам будь другом».

И еще Отшельник говорит: «С некоторыми сидеть рядом не хочется, а встать и уйти—вроде причин нет».

Сереек вернулся из-за Клязьмы с синяками и разбитой губой.

— Кто?..

— Гришка Волохов.

Я собрал ребят. Мы пошли по мосту через Клязьму, я все больше закипал: расшибу Волоха за Серееку. Из-за таких, как Волох, я и хожу два года на борьбу и бокс.

Человек десять из волоховской компании играли на пустыре в расшибалочку. Увидев нас, трое ударились в бега, еще двое просто увильнули в сторону, остальные сгрудились, напряженно следя за нами.

— Волох! Отойдём, поговорим!—позвал я.

Длинный и сгорбленный Волох отошел со мной к изгороди.

— Ну?

— На каждый Сереекин фонарь дашь подробное объяснение,—сдержанно сказал я.— Не будет объяснений, займешь столько же и даже парочку лишних.

— Ты оглянись, все же вы к нам пришли, а не наоборот,—предупредил он.

— Я твои законы гостеприимства знаю, поэтому припас подарочек!—Я поднес к его носу кулак.— Вот! Давай, пока по-хорошему, извинись перед Сереекой!

— И все?

— Потом посмотрим.

Он ухмыльнулся, подбоченился и с угрозой произнес:

— А если я и тебе сейчас навешаю на обе

стороны, как Серееку!.. Кто придет завтра за объяснениями? Пама с мамой?

— Я не стал делать лишнего замаха—двинул ему прямо в челюсть. Волох отлетел к гибкой изгороди, она спружинила, словно канаты на ринге, подтолкнула его в спину, и Волох кинулся на меня. Мы дрались молча, если не считать, что Волох иногда принимался рычать. Он никогда не звал на помощь. Я, конечно, тоже. И обе наши армии следили за нами издали.

Руки у Волоха ужасной длины, но он махал ими беспорядочно. И старался ударить меня ногой. А больше всего ему хотелось, чтобы я подставил под удар лицо. А я не подставлял. Я двигался скупно, а бить старался щедро.

Увидев, как Волох качнулся назад, я сделал быстрое движение и замечательно влепил ему. Волох бросило на изгородь, на подгнивший столбик, и он рухнул вместе с изгородью.

— Чемпион, боксер, да?! Ты еще на наших пацанов не нарывался, ребята еще поговорят с тобой!—слезливо затащил он и стал подниматься, шатаясь. Глаза заплыли.

Едва я отошел, к Волоху подскочил «раб-оруженосец». Он отряхивал своего «господина» и шептал ему что-то в ухо, показывая глазами на ремень с толстой пряжкой. Меня опять застряло.

— Ты!—бешено крикнул я.— Если хочешь начистоту—выходи! А нет, так исчезни!

«Раб» ловко испарился.

— Волох, иди сюда! Рассказывай!

Все происходило по неписанным законам: победивший должен объясниться.

Дело было так. Сереека шел к знакомому голубятнику и прислушивался, как за пазухой воркует голубь. Ему встретился Волох и расхвалил до синих небес пару своих сизарей—замечательные птицы!

— Ты только поддержи! Видишь, в руке тяжелые, как индюки! А в небе—стрижи, истребители!

Сереека соглашался: да.

Волох рассказал, как однажды вот эти два талантливых голубя привели ему чужую стаю: «Чердака не хватило, кланусь!» А потом стаю поменьше—двадцать шесть голубей. Одиночек он, Волох, и не считает: по два-три голубя каждый день—его законная добыча.

Сереека удивлялся: надо же!

Волох вспомнил, что увез однажды верных птиц в Новосибирск. Специально для испытания. Выпущенные в Сибири, похудевшие голуби через пятнадцать дней вернулись в родной дом.

Сереека восхищался: блеск!

И тут Волох предложил поменять свою генеральную пару на одного голубя—что за пазухой Серееки. Сереека пылко уверял его, что турман не стоит двух чудо-птиц.

— А ты считай, что будто в подарок их получаешь!—настаивал Волох.

Сереека, для него это естественно, застенчивая такого роскошного подарка.

Тогда Волох кратко выразил сомнение в ум-

ственных способностях Сережки, сказав: «Дурак!», и толкнул его. Сережка упал, и вырвавшийся турман с хлопанием вертикально полез в небо. Сизари Волоха кинулись его догонять. Турман, сверкая белыми крыльями, увел расхваленных, но никчемных сизарей за собой.

— Тут и случилась эта, ну, драка, — лицемерно вздохнул Волох. — А что, он сам виноват! Приманивает чужих голубей! Это честно, да? — Ты, Волох, недоразумение человечества! — сказал я. — Ты свое сегодня получил, хватит! Смотри, в следующий раз попробуй тронь ребят!..

Мы пошли.

У меня уже не было вражды к Волоху. Другое дело — тот, что шептал ему про ремень с пряжкой. Вот он — недруг! А как его, сколько-го, ухватишь? Он не бил Сережку...

Вот двое улыбаются: у одного живая улыбка, теплая, а у другого, как бумажный цветок — не вянет, не пахнет и не радуется. С кем захочется дружить?

Вот навстречу человеку идет собака и робко виляет хвостом, мол, здравствуй, человек! А человек нагибается за камнем — кыш, бездомная тварь!

Отшельник говорит: «Хорошо жить, имея больше друзей, чем недругов».

Я ни разу не сказал «враг». Это совсем другое, откровенное слово. Личных врагов у человека может не быть всю жизнь. Но...

Мы трое — Сережка, Отшельник и я — маленькая частица всего народа. Кто враг народу, тот личный враг мне, Отшельнику, Сережке.

Об этом я хочу помнить всю свою жизнь!

Глава третья, об уме и глупости

Когда мама окончила педагогический институт, они с Ленкой вместе перешагнули порог первого класса. Ленка села за парту, а мама за учительский стол. Ленке, понятно, хотелось, чтобы мама для всех была учительницей, а для нее так и осталась мамой.

— А она, наоборот, в классе строже всех меня спрашивает! — пожаловалась Ленка папе.

— Будь я учителем, Ленточка, я бы тебя еще строже спрашивал, — ответил папа.

— Почему-у?

— Подумай сама.

— Я думаю, а не придумывается, — сказала Ленка.

— Вот представь, что у вас в классе учительница не твоя мама, а... хотя бы Маринина. Вот она входит в класс, и ты смотришь, как мама-учительница взглянула на свою дочь-ученицу, как ее спрашивает, какую оценку ставит:

справедливо, по знаниям или потому, что дочка. Ты должна быть лучше всякой похвалы, чтобы никто не говорил в классе: «маменькина дочка». Поняла?

Ленка думала, думала.

— Значит, когда мама ставит мне пятерки, я должна знать на шестерки?

— Верно, умница.

Умница?..

Легко быть умным в первом классе. И взрослым легко быть умным...

Я в первом классе не то сам сочинил, не то переделал где-то слышанный стих — о кошке, которую поймали мыши и повели на расстрел. Нравился он мне безумно. Сейчас это стихотворение кажется мне смешным, глупым. Я даже стыжусь своей бывшей любви к нему. А почему? В чем я изменился?

Только позже я понял, что самое трудное — быть умным в своем возрасте.

Отшельник говорит: «Умный поймет, если моргнуть, дурак — если толкнуть».

Когда мы учились еще в третьем, Сережкин брат, студент, повел нас в поход за грибами. Мы набрали с собой конфет, вафель и печенья. Студент оказался большим сластою, чем мы, только он не взял с собой ничего.

Мы дурачились в лесу, собирали грибы, бросались шишками, загадывали кукушке, кому сколько жить. Выходило всем ужасно помногу. Кукушка почти не останавливалась, она словно раскачивалась на качелях — то близко ее слышно, то далеко.

Мы нашли землянку, забрались в нее и сразу притихли под низким земляным потолком. Студент вполголоса сказал нам:

— Может, ошиблась кукушка про наши долгие жизни? Тут, между прочим, недалеко живет старая рысь, седая... Зверюга страшной свирепости! Колхозного племенного быка задрала, а в быке тонна мускулов! Поэтому вы потише тут!

Мы сразу перепугались, у меня даже в животе похолодело от испуга.

— Не шевелитесь... В прошлом году одного горожанина — по грибы пошел — только шляпа спасла, знаете, такая мексиканская, — зловеще шептал студент. — А у нас даже шляп нет! На нас набросится, все! Колай четыре ямы!

Мы тряслись. Студент оглядел наши бледные, перекошенные ужасом лица и хлопнул себя по лбу.

— Да, совсем забыл... Все же можно спастись. Эта рысь любит сладкое. Надо отнести ей под сгоревшее дерево вафли, конфеты, что там еще у вас!.. Тогда не тронет!

Мы готовы были отдать страшной рыси не то что конфеты, а по пальцу с левых ног. Но кто пойдет... Бр-р! Кто мог отважиться на смертельно рискованную прогулку? Студент с тяжелыми вздохами собрал наши сладкие припасы и попрощался с каждым за руку.

— Если не приду, значит, пропал!

Мы сидели и дрожали, а студента все не было и не было, действительно пропал.

Первым опомнился тогда наш юный еще философ Отшельник и высунулся из землянки. Через раскрытую дверь до нас донеслись беззаботные голоса птиц. Отшельник двинулся вперед, за ним и мы, смелые.

Студент сидел неподалеку среди разбросанных по траве конфетных бумажек.

— Мы откупились, рысь ушла! — закричал он. — Ур-ра!

Сначала неуверенно, потом все восторженнее мы заорали, наполняя лес гулом:

— Ра-а-а!

И пошли опять колобродить.

Много раз со смехом вспоминали мы эту историю. Сначала по-доброму, а потом стало противно. История, о которой думалось как об остроумной шутке, стала казаться очень дурацкой. Обыкновенная плутня, построенная на страхе малышей.

Мы втроем делали подсветку для Сережкиного аквариума. Некстати пришел Даянов. С порога спросил нас:

— Ребя, слышали про международную детскую игру?

— Ну!

Я никогда и не скрывал, что с трудом его терплю, этого Даянова.

— Вот аферисты-дураки-обормоты-обиралы!

— Чего ты?

— Смотрите!

Он бросил на стол письмо.

— Читай вслух, чего бросил!

Даянов схватил письмо и стал читать: «Дорогой незнакомый друг! Пошли по первому адресу, указанному здесь, одну чистую открытку. Перепиши письмо шесть раз и отправь по новым адресам, которых нет в письме, но которые ты знаешь. Адреса, указанные в письме, перепиши в таком виде: на место 1-го—второй, на место 2-го—третий и т. д. На место 6-го—свой адрес. Если ты напишешь позже, чем через четыре дня, то игра остановится, если — вовремя, то через 24 дня ты получишь двести пятьдесят открыток из разных мест. Просьба к родителям: прошу вас помочь вашему ребенку разобратся в игре, иначе она остановится, радость детей померкнет». Все. Тут и адреса есть. Сплошь девчончьи.

— Вот и переписывайся с ними, — посоветовал я.

— Как видно, радость одного ребенка уже померкла, — сказал Отшельник. — Что, получил всего двести сорок шесть открыток?

— Ни одной! Вот обормоты!

— Дают! — восхитился Сережка.

— Обратись в общество защиты детей! — подсаказал Отшельник.

— Или в суд на них подай! От нас-то что тебе нужно?

Даянов пожал плечами: так просто, зашел за сочувствием, пожаловаться на несознательность некоторых типчиков.

Отшельник на листочке быстро подсчитал: двести пятьдесят человек, послав по открытке кому-то, сами должны получить открытки от шестидесяти с лишним тысяч людей; тем надо ждать, когда их одарят пятнадцать миллионов человек, а этих — четыре миллиарда...

— А четыре миллиарда из каких «разных мест» получают открытки? — разъяснил Отшельник эту простую арифметику. — Ты просто даритель, ты один из четырех миллиардов, понимаешь? Но не все пропало, Алик, если в игру включатся жители ближайших звезд и пришлют, — он посчитал, — триллион открыток, то и тебе будет доля!..

— А ближним звездам пошлют дальние, — сказал Сережка.

— А тем — Млечный Путь, — сказал я. — А что, сближение миров! На Полярной звезде будет галактическая почта...

— Конечно! Играйте в космическо-галактическую чудо-игру, способствующую налаживанию тесных контактов между туманностями!..

— Что вы туманите мне голову! — тоскливо сказал Даянов. — «Гала-актики-и»!

И ушел, дверью хлопнул.

Отшельник говорит: «Не та рыба умная, что прячется в глубинах, а та, что живет у поверхности и не ловится на крючок».

Я раз на вокзале видел мужчину, красивого, как букет. Лицо белое, глаза синие, волосы выются красными кольцами, похожи на тонкую медную проволоку.

Он знал, что красивый, и часто смотрел в зеркальную витрину буфета. Потом я заметил, как писанный красавец высовывал дрожащий язык и облизывал пухлые губы. И я его пожалел.

У нас в школе одно время в ходу были всякие тесты и анкеты: «Ваше отношение к занятиям... труду... товарищам». На вопрос: «Прощаете ли вы недостаток ума своему товарищу?», все ответили — нет! Даже глупые ответили — нет!

Отшельник говорит: «Из двух спорящих прав умный, а из двух ссорящихся виноват умный».

Хочу рассказать, как за месяц Отшельник стал хорошим специалистом по змеям.

Областная газета постоянно печатала статьи одного кандидата сельскохозяйственных наук о злаках, парнокопытных и пресмыкающихся. Кандидат считал себя, видимо, большим специалистом по всему живому, что ходило, летало и ползало.

Отшельник не считал себя специалистом. Просто с пятого класса он читал труды о природе, получал кучу природоведческих журналов, переписывался с несколькими зоологами и юннатскими кружками при зоопарках. Его возмутила статья в газете, называемая «Немного о змеях».

Я плохо уловил, из-за чего разгорелся сыр-

бор. По-моему, все в статье кандидата было верно: укус гадюки опасен, кобры — смертелен, и вообще столько змей развелось — ни прохода, ни проезда честному человеку.

Отшельник написал в редакцию на имя кандидата очень вежливое письмо. «Верно, что королевская кобра — самая большая в мире ядовитая змея, — писал он. — В научной литературе описываются случаи, когда гибли даже слоны, укушенные этой коброй. Но неверно, что коб-

ра — самая ядовитая. Самая ядовитая — тигровая змея. В ней столько яда, что хватит убить четыреста человек».

И дальше: «...эти змеи благородны. Кобры, гюрзы, эфы предупреждают: «Осторожно, человек, я здесь!» Ни одна из них так просто не нападает на человека. Описываемый Вами случай, когда гюрза будто бы полкилометра гналась за чабаном, Ваша выдумка или же фантазия чабана».

Отшельник послал письмо, не думая, что своими руками посеял ветер и придет пора пожинать бурю.

Подписался он просто: «Михаил Васильевич Сивец, рядовой читатель».

Наверное, как раз это и обмануло кандидата: шалишь, брат «рядовой читатель», подумал он. Я вижу, что в крайнем случае ты учитель на пенсии, а может, тоже кандидат замаскировавшийся.

Скоро Отшельнику пришел из редакции пакет. Кандидат написал тоже вежливо, но отповедь. Я, мол, знаю, о чем выступаю в газете. А вы, уважаемый товарищ, хоть и видна ваша компетентность, стойте на слабых позициях. И

*Отшельник две недели сидел,
зарывшись в книги,
и настрочил ответ.*

перечислил эти слабые позиции. А в конце письма загнул о каких-то особенностях ядов и выдал пулеметную очередь формулы, страшной своей непонятностью.

Отшельник две недели сидел, зарывшись в книги, и настрочил ответ. И указал на слабые позиции сельхозкандидата. А в конце письма была боевая шрапнель из цифр.

Тогда кандидат прикатил Отшельнику письмище, каждое второе слово которого было таким мудреным, что не выговоришь, а выговоришь — не поймешь. «Ссылаясь на недавние научные изыскания в этой области ряда ведущих ученых, я настоятельно обращаю Ваше внимание и хочу заметить, что активную фракцию, полученную с помощью гельфильтрации, без дополнительной обработки подвергли ионообменной хроматографии на КМ-целлюлозе...»

— Сдавайся, Отшельник! — сказал я. — Твоей мудрости на ответ не хватит.

Я потешался, наблюдая за битвой Отшельника. Да это просто упрямство, казалось мне, ерунда. Мне тогда и в голову не приходило, что вот так Отшельник быстрее нас набирается ума-разума.

Похудевший Отшельник нырнул в океан научных журналов. Я бы там сразу утонул. Незнающим может показаться, что в этих журналах тишь, благодать и сплошное сиреневое благополучие. На самом деле по страницам таких журналов ходят штормовые волны ученых споров.

Все же Отшельник, по-моему, просто собрал пену этих штормовых волн. Но и то, что он вынырнул живым и здоровым, хорошо. На восемнадцати страницах Отшельник привел мнения крупнейших герпентологов, авторитетно противоречащих мнению кандидата, а значит, поддерживающих мнение самого Отшельника. На шести страницах ссылаясь на переписку с видными зоологами. А на четырех последних говорил о личном скромном опыте общения со змеями в небольшом школьном террариуме.

В редакции газеты задумались: Михаил Васильевич Сивец... что за фигура М. В. Сивец? Ученый? Пенсионер? Отпугнул от газеты уважаемого кандидата наук, тот больше не приходит, не звонит.

Редактор вызвал корреспондента:

— Съезди к этому М. В. Сивцу! Приглянись. Если стоящий человек, уговори вести в газете уголок природы.

Корреспондент приехал, позвонил в квартиру Отшельника.

— Михаил Васильевич дома?

Мать испугалась: это Мишку-то солидный человек называет Михаилом Васильевичем!

— В школе... — и назвала номер школы.

Корреспонденту и тогда не пришло в голову, что М. В. — мальчишка, он подумал, что учитель. Так и сказал нашему директору: хотелось бы увидеть учителя М. В. Сивца. Директор, долго не раздумывая, привел его в наш класс.

— Миша, тобой интересуется товарищ из газеты!

Встал с последней парты похудевший за этот месяц Отшельник.

— Н-да!

Просить Отшельника заведовать уголком природы не стали.

— Я бы лучше деньги научился рисовать! — сказал в классе Арсентьев. — Видимая польза! А так спорить, дурак я что ли!

Мы с Сережкой, завидуя успеху Отшельника, сочинили статью «Испанцы на Аральском море». Использовали термины и звучные выражения из журналов «Наука и жизнь» и «Знание — сила». Как океанское гидрографическое судно «Юрий Сенкевич», выполняя в Аральском море спецзадание Академии наук СССР, брало пробы грунта морского дна. Вдруг помпа засосала дощечку с латинскими буквами «L», «A». (Ученые запрыгали на корабельной палубе.) В море были спущены мощные помпы, чтобы откачать воду вокруг корабля. Уровень воды постепенно понижался, и скоро исследователи, вне себя от изумления, обнаружили на морском дне остов древней испанской каравеллы. На борту ее отчетливо можно было прочесть «Санта Изабел...». Гипотеза, что некогда существовала обширная морская акватория, включавшая в себя нынешние Аральское и Черное моря, еще раз блестяще подтвердилась. В данное время на Аральское море выехала специальная морская экспедиция Академии наук...

В общем, наплели солидно.

Подписав опус кокетливой фамилией Мельников-Остролуцкий, мы тут же отправили его в газету.

Ответ пришел быстро. «Уважаемый тов. Мельников-Остролуцкий! Сообщите, пожалуйста, полностью Ваше имя, отчество, место работы, должность, если есть ученое звание — тоже. С уважением, зав. отделом науки В. Куравлев».

И ни полвопроса — откуда подмосковный Мельников-Остролуцкий знаком с исследованиями Аральского моря, как попало океанское судно в Арал, каким образом в море можно откачать воду вокруг корабля.

— Раз так, то тишем: «Леопольд Арнольдovich Мельников-Остролуцкий, вице-президент Каракалпакского отделения Академии наук СССР», — предложил я.

Сочинили еще письмо: «Уважаемый тов. В. Куравлев! Вы хорошо знаете, что, когда произносится новое слово в науке, у него всегда оказывается больше противников, чем сторонников. Поэтому нас очень обрадовало Ваше внимание к этим изысканиям. В честь этого одной из мотофелюг, сходящих с нашей судоверфи в поселке Ушсае на берегу Аральского моря, будет присвоено Ваше имя: «В. Куравлев». (Сообщите полностью Ваше имя.) Будем рады видеть Вас в Ушсае при спуске мотофелюги на воду в июле месяце сего года. К сему Леопольд Арнольдovich и прочее...»

Мы были в восторге от самих себя.

— Это почище змеино-го спора Отшельника! — Мы жаждали немедленного признания. — Пошли к Отшельнику!

Но Отшельник, выслушав наш рассказ и прочитав письмо, хмуро сказал:

— Глупо это, ребята! Надо трубить отбой!

— Это почему?

— Ну чего вы добиваетесь?

Мы с Сережкой переглянулись и пожали плечами: действительно, чего? Отшельник сел за стол и написал письмо: «Мы извиняемся, тов. В. Куравлев, но никаких испанцев с «Санта Изабеллой» на Аральском море не было. Между фамилиями Мельников и Остролуцкий черточка, разделяющая двух семиклассников, не имеющих ни должностей ни звания. Наша учительница литературы часто приводит нам слова Козьмы Пруткова: «Смотри в корень!» А учитель географии еще чаще призывает: «Смотри на карту, а не на потолок!»

С уважением два семиклассника — Мельников и Остролуцкий».

В. Куравлев нам не ответил.

Сережка имел тайную страсть: любил строгать дерево. Его отец работал столяром-краснодеревщиком. Маленькая кладовочка за их домом навечно пропиталась запахом лака, сохнувшей березы и крепкого табака. Еще в кладовочке стоял старинный шкаф, где отец хранил инструменты. По вечерам в стенках шкафа блуждали цветные огоньки от лампы — желтые, красные.

Сережка по воскресеньям закрывался в кладовочке и строгал, насвистывая, слушая, как шуршит, свиваясь в темные желтые кольца, тонкая стружка.

— Серый, а вот сапоги из дерева ты смог бы сделать? — спросил я.

Он удивился:

— Зачем?

— Ну вообще... Интересно же! Или ты из тех мастеров, что из березы липовые вещи делают?

— Из березы березовые делают, из липы липовые.

— Делай, делай, мне-то что!

— Да, тебе-то что! — хмуро сказал он. — Если бы ты сам что-нибудь делал...

Я вернулся домой и перебрал во дворе кучу досок, жердей и бревнышек. Я еще толком не знал, чего мне хочется. Было только смутное желание.

Я распилил одну доску, построгал немного, взялся за другую. Выбрал бревнышко, оно было сухое, звонкое, но скучное. И только я хотел бросить это дело — ищу, сам не знаю что, — наткнулся на одну дощечку...

Строгал я дощечку долго и осторожно. Дерево было твердое, рубанок снимал стружку такой тонкой, что она просвечивала. Все яснее виднелся рисунок на доске: словно плывет по речке лодочка, и остался за ней между желтыми берегами чистый след.

— Немного поторопился, — профессионально осмотрел мою дощечку Сережка. — В середине бы еще снять, глубина появилась бы, ясность.

Для меня на первый раз и так было хорошо.

Я поставил дощечку в сервант. То ли речка течет, то ли лодка бежит, оставляя светлый след.

Чем больше я смотрел, тем больше мне это нравилось, и все новые краски видел я в дереве.

Даже потом, когда я своими руками сделал такую сложную штуку, как резной шахматный столик, первая поделка так и осталась для меня чем-то дорогим. Она потемнела, уже никто не мог увидеть бегущей лодки, но я-то знал, что она есть.

Отшельник говорит: «Глуп тот, кому урок не впрок».

Когда папин брат еще жил в своих Ожерелках, мы с Ленкой почти каждое лето приезжали к нему погостить.

Ленка в своей восторженности однажды вздумала с букетом цветов встретить стадо овец. Впереди стада вышагивал баран-предводитель. Баран просто мотнул рогатой башкой, и Ленка оказалась в канаве. Может, баран смел ее с дороги, чтобы Ленка не попала под копыта плотной толпы за ним, а может, просто был отчаянный.

Но я тоже был отчаянный. Я догнал барана и изо всех сил пнул его в мягкое место. Ка-ак баран развернулся, подпрыгнул, да как ответил мне! Если бы это был козел, то проткнул бы меня насквозь, только этим я и утешился.

Баран оказался упорным и злым. Он дождался, когда я поднимусь, и снова наподдавал мне. Из меня сыпались вопли и искры.

На наши крики прибежал пастух и стеганул барана кнутом. Баран озверел — что ему пастух! — он кинулся и на пастуха. Пастух — высокий дядька — раздвинул ноги, и баран с разбега втиснулся в эти узкие ворота. Пастух накрепко зажал барана и дал ему прикурить от своего жгучего кнута.

Потом пастух сказал мне:

— Ты, малый, с ним не бодайся! Он тебя все одно перебодает! Ты побереги голову для другого дела!..

Глава четвертая, о справедливости

Когда Ленка была маленькая, она знала один праздник — свой день рождения. А потом ей открылось, что есть на свете праздники для всех — для девочек и мальчиков, для мам и пап.

Утром Восьмого марта мама решила, что дома на праздничном столе не хватает торта, и ушла в магазин. Я выжигал на красивой полочке длинный призыв: «Чтобы каждый день был 8-м Марта!» Ленка думала и вздыхала: мама подарила ей синюю фарфоровую чашку, а что подарить маме?

И вот она взяла ножницы, достала лучшее мамино платье и выстригла из него шесть пре-

красных маков. Наклеив шелковые маки на белые листы, она, сияя глазами, преподнесла свой подарок маме. Мама в первую минуту дрогнула.

— Лена-а...

— Вот как я тебя люблю. — Ленка крепко обняла ее.

Мама поцеловала Ленку в сияющие глазки и спрятала блестящие обрезки в корзину.

Я тогда подумал, что мама сделала просто героическое усилие, чтобы не наказать ее. И только потом понял — Ленкина вина всего-навсего в том, что она недоросль. Кто же за это наказывает!

Так я для себя открывал то, что маме было понятно давным-давно.

Комар подкрался, напился человеческой крови. Летит комарище опять, пьяно звенит — «з-з-знатн-н-но!» Удалой воробей его — оп! — проглотил и перышки чистит. Кошка, зеленые глаза, воробья — хват! — и умывается, гостей зовет. Мальчишка, стрелок, из рогатки кошке — дзынь! А человек мальчишке по затылку — бац! — и укушенный комаром нос почесывает.

В этой цепи вроде бы все справедливо — каждому по заслугам — и в то же время нет никакой справедливости.

Отшельник говорит: «Почти всегда виноват язык, а расплачивается лоб».

По зимнему лесу, по глубоким снегам носится рыжая лиса за белым зайцем. В заячьей голове мечутся, наверное, такие мысли: «Я молодой, ничего не видел еще, а отца с матерью уже нет, пожаловаться некому, и не пожил я как следует на белом свете! Неужели рыжая, проклятая, меня догонит!!! О ноги, выручайте!»

А лиса, может, думает: «Я уж старая, мне наплевать, я свой век отжила, но в норе лежат трое моих малышей, трое голодных лисят, которые умрут, если сегодня не будет еды! Неужели я не догону этого проклятого, глупого, сытого зайца!!! О ноги, выручайте!»

И так мчатся, каждый молится своим ногам и своей справедливости.

Однажды дома я увидел, как мышь, спасаясь от кошки, с размаху влетела в капкан и пискнула в смертельном ужасе, а кошка недоброльно сморщилась и пошла прочь.

Однажды на улице плакала девчонка и все повторяла: «Ой, как маленькую собачку укусила большая» — и пыталась поднять палку, а мама сердито ругала ее и дергала за руку.

Однажды отряды специально увели в поход, и все деревья в пионерском лагере обсыпали ядовитым порошком от гусениц. Вернувшись, мы нашли в лагере двести мертвых птенцов. Мы похоронили их и объявили трехдневный траур. И возненавидели тех, кто так неумно, жестоко погубил птенцов. Они ночью тайком укатали из лагеря.

Что — у каждого существует своя справедли-

вость? Или у каждого свой аршин, которым он отмеряет справедливость под свой рост?

«Карл у Клары украл кораллы». Ну и дает Карл. Но и Клара не промахнулась, ответила вору тем же: «Клара у Карла украла кларнет». «А что, — скажет Клара, — он у меня ворует, а я?! Рыжая я, что ли?!»

Ей кажется, что отомстить Карлу — очень справедливо.

Что за штука такая — высшая справедливость, которой можно судить все на свете?

Отшельник говорит: «Больше всего о смелости любят говорить трусы, о верности — предатели, а о правде — болтуны».

У нас, еще в шестом случилась кошмарная история. Арсентьев дежурил по классу и нашел на полу затрепанный рыжий блокнот. Арсентьев лениво раскрыл его, чтобы узнать чей, и на первой странице прочитал: «В. Арсентьев. Толстокожий и толстолобый. Мечтает стать капитаном, а самое большее, станет боцманом. Вечная привычка в ухе ковыряться. Глазки у него маленькие и знания маленькие, зато большое горло и большие кулаки. С блеском овладел классической угрозой дураков: «Че-е сказал?» Один из людей в классе, которые мне не... (зачеркнуто)».

Арсентьев едва не задохнулся: «Та-ак, кто же это писал?»

Он судорожно перелистал блокнот, хотел добраться до владельца. И увидел, что в блокноте характеристики на весь класс. Так выглядел я: «А. Остролуцкий. Человек сложный. У него большие уши. Странно. Человек с маленькими ушами злой и хитрый, а с большими — добрый или растяпа. Он иногда такой, иногда другой. Часто у него бывают невозможные запросы, часто он хвастун, часто делает вид, что умнее всех. Ему очень помогают его друзья — Сивец и Мельников. Они для него, как зеркало в прожекторе. Дружить с ним, наверное, трудно, хотя почему-то дружат с ним лучшие ребята в классе. Тип интересный, надо присмотреться...»

Про Отшельника было сказано мало и чело-вечно: «М. Сивец. Самый спокойный в классе, неразговорчивый. Много молчит, а если скажет — мысль. Жаль, что редко. Прозвище Отшельник точное, он сам, наверное, его выдумал».

Характеристики в большинстве были убийственно точны, и все же и все же... был в них какой-то сдвиг... больше резкости и злости, чем нужно.

— Даян! — позвал Арсентьев дружка. — Ты про себя все знаешь? На, прочитай эту характеристику!..

«А. Даянов. Глупый и угодливый. Носит портфель своего «хозяина» — Арсентьева. Он собачка только с Арсентьевым, а с девчонками собака. Такие, как Даянов, пишут на заборах и подкладывают кнопки на стулья. Если бы на-

*Махалина посмотрела на класс
и встретила вражду и насмешку
во взглядах ребят.*

шелся в классе сильнее и грубее Арсентьева, перебежал бы к новому «хозяину». Невозможно противное лицо».

— Витек!.. Кто это?..

— Тихо, — предупредил Арсентьев осклившегося Даянова. — Это Ирка Махалина!

— Я ей, писательнице...

— Сказал, тихо! Нам ее нельзя бить, как-то по-другому бы...

— Дать каждому прочитать про себя, — злобно предложил Даянов.

— Не каждому, а... выбрать надо, кому дать!

Всю перемену они перебирали кандидатуры кому показать. Отшельника, Сережку и меня — исключили.

Каждый веселился, рассматривая собрание портретов, пока не находил себя. До этой страницы все было хорошо, все было верно — «точно ведь подмечено», — но тут: что-о, разве это я? Как она посмела, Махалка неумытая!

Класс загудел, в воздухе носилось что-то

зловещее. Группы, разговоры, многозначительное молчание, когда подходит «не тот».

И, в конце концов, даже те, кто не держал блокнота в руках, но знал о его существовании, поверили, что все в блокноте выглядит уродливо. К шестому уроку класс раскалился.

И вот наступил час мщения. Нас оставили на классный час. Даянов еще в учительской посвятил Нину Михайловну, классную руководительницу, во все подробности.

— Ира Махалина! Может, ты объяснишь нам записи в этом блокноте? Откуда у тебя такая злость на своих одноклассников, что это за дикие характеристики?

Махалина сидела бледная.

— Я с тобой разговариваю! Встань!

В классе жутко тихо.

— Ну! — Голос классной руководительницы все резче.

— Заткнулась... — просвистел Даянов.

Вдруг Махалина сорвалась с места, подбежала к двери и рванула ее на себя.

— Наташа и ты, Галя, верните ее! Быстро, — приказала Нина Михайловна.

Вернули.

— Прочти нам все, что здесь написано, Махалина! — Классная руководительница положила блокнот перед ней. — Прочти вслух и по каждой характеристике попробуй разъяснить, чем ты руководствовалась, когда писала такие нелепости и измышления!

— Не буду! — сказала Махалина тихо.

— В школе ты должна придерживаться общих норм поведения! Дома или на улице можешь с каблуков сбиваться, а в школе...

— Не буду!

— Писать духу хватило, а читать нет?

В эту минуту лишь несколько человек смотрели на Махалину по-человечески. Остальные были ожесточены: не дожидаясь поддержки, Махалина!

— Нина Михайловна, можно, я буду читать! — вскакивая, предложил себя Даянов.

— Сядь, Даян, а то голос потеряешь! — громко предупредил я.

— Читай, Ира! — сказал Отшельник. — Читай, не бойся!

Махалина посмотрела на класс и встретила вражду и насмешку в большинстве взглядов, потом аккуратно сунула блокнот в портфель и пошла к двери.

— Вернись! — крикнула классная руководительница. — Или совсем не приходи в школу!

— Нина Михайловна, — сказал Отшельник, — почему вы с ней так разговариваете, за что? За то, что написала в блокноте правду?!

— Пра-авду? Ты уверен, Сивец?

— Да, правду!

Класс загудел.

— Отшельник, чего ты выступаешь, ты же не знаешь, что написано!

— Я знаю человека, — сказал Отшельник. — Знаю, что Ира Махалина никогда не лжет. Кто-нибудь вспомнит хоть один случай, когда Махалина соврала?

— Разбирайтесь сами, раз все правда! — Нина Михайловна махнула рукой.

Мы с Отшельником шли домой молча. На отлогом берегу Клязьмы среди сырых кустов шел унылый ветер. Хлюпало под ногами. Прощальными яркими лоскутами рвались с веток листья. Доносилось сипенье и простуженное чиханье моторки.

— Ребята-а! — Догнал нас Сережка. — Вы заторопились, а там почти все девчонки пошли на пустырь!

Отшельник круто остановился.

— Зачем?

— Решить, что с Махалиной делать.

— Брось, Отшельник! — сказал я. — Что они могут решить? Ну, объявят бойкот, ну и что! Ты можешь не соблюдать!

— Там решается, быть ей человеком или не быть! — крикнул на меня грубо Отшельник. — Можешь идти домой, удар в челюсть отработать! Пригодится себя защищать!

— Ну и иди к ним, оракул, чтобы и тебе досталось от девчонок!

— Артем, там Арсентьев и Даянов и еще некоторые ребята, — сказал Сережка. — А Отшельник один...

Я рванул за Отшельником.

Девчонки стояли тесным кругом — разъяренные, голосащие. Я не поверил глазам — это наши девчонки, прекрасная половина, краса и гордость?!

— Нет, почему она про меня так написала! Я ей что-нибудь плохое сделала, лично я?

— Давайте мы ее тоже распишем!

Потом кто-то крикнул:

— Пусть прощения просит!

— У всех!

— Правильно!

— А как ее заставить, вот вопрос!

— А чего! Поймать, листьев за шиворот напихать и дать туманов! — предложил Арсентьев.

— Поставить на колени перед всеми! — Это Даянов. — Согнуть, если не захочет!

И раздался голос:

— Охотники?.. Что, дичь нашли? Травить будете?

После секундной тишины кто-то произнес:

— Смотри, Лермонтов какой!

— Уйди, Отшельник!

Даянов весь день ходил, оскалившись. Увидев его, я верно угадал, что сейчас он способен на укус шакала. Подкравшись сзади, он ударил Отшельника ногой в спину и отскочил, изогнувшись. Я отбросил портфель и длинным точным ударом, отчего клацнули его острые зубы, отправил Даянова головой в кусты. На меня с криком: «За что его?» — наскочил Арсентьев, но Сережка — когда только успел подобрать? — вытеснул его толстым прутом, и Арсентьев отлетел так же быстро.

Толпа развалилась, как спелый арбуз от прикосновения ножа.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Здравствуй, Артем!

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 5.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Мы стояли маленькой, но боевой фалангой. В толпе всегда есть молодцы против овцы, ужас храбрые, когда семеро на одного. Стоит появиться достойному противнику, такие храбрецы независимо отходят в сторону — мы тут случайно. Многие, конечно, оказались втянуты в это судилище не потому, что у них слабая воля. Но теперь опомнились, и стыд погнал их с пустыря. Толпа распалась.

— Арсентьев! — позвал всклоченный Отшельник, отшвыривая портфель. — Пришла пора... в чистом поле... по русскому обычаю!

Я понял замысел Отшельника — сделать событием номер один нашу схватку. Что там какой-то дневник, какие-то записи... Я оттолкнул Отшельника, стянул куртку и засучил рукава рубашки.

— Даян, в землю вколочу, если только сунешься! — предупредил я. — Выходи, Арсентьев!

Силы у Арсентьева хоть отбавляй. Только он не занимался боксом. Зато любил говорить: «Сила все равно возьмет верх! Ты меня сегодня самбой, я тебя завтра бочкой — кто победит?» В другое время Арсентьев бросился бы, не задумываясь, как буйвол. Но сегодня! Все отхлынуло от него, даже верный Даянов не торопился выбраться из кустов, куда я его отправил.

— Ладно, Артем! — сказал Арсентьев, криво улыбаясь. — Что мы, клоуны, веселить этих зевак? Придет время, поговорим без свидетелей! — Арсентьев сам понимал беспомощность своей угрозы. Он повернулся и угрюмо пошел.

На пустыре стало странно, даже страшно — тихо. Все боялись взглянуть друг на друга. И торопливо разошлись с пустыря.

— Я пойду к Махалиной, — сказал Отшельник. — Кто со мной?

— Куда-а?

— Домой к Махалиной.

— Отшельник, я тебя уважаю, но ты иногда пытаешься сам через себя перепрыгнуть, — сказал я. — К Махалиной не пойду и не хочу, чтобы ты ходил. И Сережка.

— А что, Махалина ничего. У нее хорошее чувство критики, — туманно сказал Сережка.

— Мне наплевать на ее чувство! — вскричал я. — Уж если пишет что-то для себя, пусть

при себе и хранит, а не раскидывает по полу! И как ей теперь жить — пусть сама заботится!

— Как жить? Да так же! — мрачно сказал Отшельник. — И еще лучше, чем раньше.

— Вот подходящий друг нашему Отшельнику — Махалина! Будете вдвоем рассуждать о смысле жизни! А со мной что рассуждать, я ничего не понимаю.

Я повернулся и пошел в одну сторону, Отшельник — в другую, Сережка растерянно остался стоять на месте.

Класс тогда резко раскололся на два лагеря. Во главе одного — Арсентьев с большими кулаками, во главе другого — Отшельник со своей борьбой за справедливость.

В седьмом классе Отшельник предложил избрать Махалину редактором сатирической стенгазеты «Вилы в бок». Даже Арсентьев с Даяновым голосовали «за»: «Давай, Махалка, критичка, проявляйся!» Первый же номер приложения уязвил полкласса: он был без вранья и сюсюканья. Оказались страшно острые вилы, скорей даже трезубец. Вот три короткие заметки из этого первого номера:

«Алик Гаравин далеко пойдет — уже в детстве сумел изменить народную поговорку: «В одно ухо влетает, в другое вылетает». Когда он выходит к доске, — «в одно ухо ему влетает, а изо рта вылетает».

«На выборах председателя совета отряда Лариса Михелева отмалчивалась.

— Лариса, а ты что молчишь?

Лариса пожала плечами: не могу же я себя предложить еще и в председатели, раз уж предложились в звеньевые».

«Скоро день рождения Василисы Андреевны. Мы все готовим подарки любимой учительнице. Ждем подарка и от Арсентьева. Если он не знает, какой сделать подарок, предлагаем: или выучить урок, или не приходить в этот день, не портить настроение всему классу и имениннице».

Была короткая буря: и негодовали, и смеялись. Но газету стали уважать. Да что там, она полюбилась, стала гордостью класса. Соседи вначале посмеивались над нами, читая в газете о наших недостатках. Но скоро и они поняли:

появилось настоящее зеркало в королевстве школьных кривых зеркал.

Даже Арсентьев сказал:

— Когда в газете про меня — сплошное вранье, а когда про Пробку или Даяна — ниче!

Отшельник говорит: «У богини правосудия глаза завязаны... Хотел бы я знать, кто это сделал!..»

Из Ленки, все говорят, получится певица. Мне-то кажется, что она больше пищит, чем поет, но если кругом уверяют, что у нее слух, память, вокал, еще что-то, должно быть, дарование у Ленки есть. Три раза в неделю Ленка ходит в ансамбль при Дворце пионеров.

Ансамбль такой голосистый, что однажды его пригласили выступить в московском театре. С детьми отправился вагон родителей, родственников и знакомых. Поезд, как назло, задержался. С вокзала бросились к стоянке такси. Народу на стоянке тьма, а машин мало.

— Граждане, посторонитесь! — с ходу завопил руководитель. — Мы в театр опаздываем!

— Хорошо, когда люди по-доброму завидуют друг другу, — сказал корреспондент. — Это помогает им ставить себе честные оценки.

— Видели мы нахалов! — сказали ему граждане. — В театр, ха-ха! Люди вон на самолет опаздывают!

— Товарищи, дорогие! — сбавил голос руководитель ансамбля. — Вот эти дети — артисты! Впервые в жизни должны выступить на московской сцене! Товарищи, милые! До концерта — полчаса!

Очередь поворчала, но сдалась.

— Так бы и сказал!

Подошла машина.

— Сколько вас? — не разглядев в темноте, испугался шофер.

— Восемь! — с отчаяния соврал руководитель. — И все маленькие!

А их было шестнадцать человек. Родственники-то, едва увидели, как туго с машинами, кинулись к станции метро.

Шофер не хотел брать, но вся толпа на стоянке закричала и затопала на него, и шофер с перепугу согласился. Ансамбль ринулся в машину. Шофер хотел посчитать, но запутался, где головы, где ноги, и махнул рукой.

Едут, друг в друга дышат. «Фр-р» — милиционер.

— Такая-сякая машина, идет, разваливается на ходу! Сколько человек везешь?

— Восемь, — неуверенно сказал шофер, — и все маленькие.

— Вылезайте! — приказал милиционер. — Считать буду!

Увидев десятого, милиционер вздрогнул, двенадцатого — ахнул, четырнадцатого — схватился за кобуру, а там еще двое! Заикаться стал:

— Эт-то что? К-конкурс, кто больше посадит в машину?

— Дорогой товарищ! — сказал руководитель. — Сейчас тысяча москвичей и гостей столицы пришли в театр с желанием послушать наши песни. Мы торопимся на концерт, и мы обманули этого доброго шофера, чтобы не обманывать тысячу зрителей. Простите нас всех и отпустите!

— В ваших рассуждениях я понял одно: пытались обмануть государственную автоинспекцию! — сказал милиционер. — Вот за это шофер будет наказан!

Руководитель отчаялся: что делать? С тротуара глазели зеваки. Милиционер составлял акт. У ансамбля было одно оружие против законной власти милиционера — песня, и руководитель решил пустить это оружие в ход. Ансамбль выстроился по кромке тротуара. Как назло, ни одной милицейской песни в репертуаре — не предусмотрели.

— А-а, запевай нашу!

Желтый зайчик пляшет на окне.

Желтый зайчик улыбнулся мне.

Солнце спозаранку

Вышло на полянку,

Потому что лето на дворе.

Песня затрепетала над улицей, как флажок, и все росла, росла и превратилась в огромное, режущее полотнище. Не услышать, как трепещу-

щее цветное полотнище вьется на ветру над улицей, мог лишь глухой или враг.

Позови нас, лето, за собой!

Ты — художник, лето, непростой.

У тебя три цвета,

У тебя три цвета —

Желтый цвет, зеленый, голубой.

Люди на тротуаре смеялись и аплодировали. Милиционер вышел на мостовую и поднял жезл. Когда улица покорно остановилась, милиционер дал знак водителю пустого автобуса подъехать к нему.

— К театру... отвезешь лауреатов премии московской милиции! До свидания, голосистые обманщики!

Они успели все-таки упросить милиционера простить шофера такси. Тютелька в түтельку прикатали в театр. С колес — прямо на сцену.

Папин брат рассказывал. В их колхозе неказистый парнишка получил орден Трудового Красного Знамени, а потом орден Ленина. Он незavidного роста, а работал — будь здоров!

Ребятам из деревни лестно пройти с ним по улицам райцентра. Только просили они: обязательно надень ордена. Сияние орденов освещало и их лица, украшало всех. А парнишка смущался.

И вот однажды в кинотеатре к ним подошел верзила и насмешливо сказал:

— Послушай-ка, голова на ножках! С отцовского пиджака ордена снял?

Парнишка беспомощно покраснел. И ребята растерялись. Выручила их пожилая билетерша, сердито сказав:

— Эх, дурында! Кабы ордена за рост давали, ты бы весь эмалированный ходил, блестел, как самовар. Орден-то не за рост, а за труд да за героизм дается.

Арсентьев толкнул Даянова, который торчал у двери, подслушивал, и тот с грохотом ввалился в директорский кабинет. Даянова пожалели — шишку на лбу набил, бедный ребенок, а Арсентьева погнало домой за родителями.

Несправедливо?

С Арсентьева как с гуся вода: пришел родитель, посидел с директором, поговорили. А Даянов к вечеру ходил уже с двумя шишками.

Справедливо?

Сложны пути справедливости.

Глава пятая, о зависти

Отшельник говорит: «Кошка, которую все гладят, хочет стать собакой, которую она боится».

Корреспонденту газеты понадобились для статьи на школьную тему абсолютно круглый

отличник и не очень круглый. Юрку Камбарова из седьмого «А» и меня позвали в директорский кабинет.

Корреспондент, в общем, был ничего, не старь и не нудный. Он записал наши фамилии и захлопнул блокнот.

— Поговорим, так сказать, для души. Может, ты начнешь, Артем? Расскажи о себе!

— Пусть лучше Юрка поделится с вами, как добился замечательных успехов в учебе,— сказал я.

Корреспондент посмотрел на меня с интересом.

— Ты не очень любишь отличников?

— Ну-у, я могу любить или не любить человека, а отличник тоже человек.

— Как ты думаешь, почему девчонки учатся лучше мальчишек? Во все времена так было, и когда я учился в школе.

— Не знаю, лучше ли,— обиженно сказал Камбаров.

— Девчонки—зубрили,—сказал я.—Мальчишки после уроков голубей гоняют, в футбол играют, в хоккей, а девчонки носами по учебникам водят. У них игры—считалки да вязалки! Да еще учителя к ним по-другому относятся—кого жалеют, кто слез побаивается—они же ревут от двоек...

— По-твоему, все успехи девчонок—от усидчивости? И неуспехи мальчишек—от непоседливости?

— Может быть, и так,—вяло сказал я, а потом вдруг вдохновился.—Смотрите, допустим, жизнь—океан! Взрослые плавают в этом океане, как танкеры, электроходы, лесовозы. А мальчишки—будто парусные корабли! По одной воде все плаваем, но по разным законам.

— А девчонки?

— А они—баржи и плоты...

— У берега плавают, по-мелкому,—солидно подтвердил Камбаров. Он, наверное, считал, что круглые только так и должны говорить для газеты.

— Ты тоже в океан не выплываешь,—сказал я.—Такой же зубрила! Поэтому и учишься лучше всех.

— Никто и тебе не мешает,—обиделся он.—Наоборот, все уговаривают: учись.

Я понемногу начал злиться.

— Слушай!—сказал я.—Вдруг случится такое: надо бегом доставить в штаб за три километра важное донесение. Ты на первом километре умрешь, никакие знания тебе не помогут!

— А ты добежишь?

— Я добегу, а ты нет! Выдохнешься!

— А я, прежде чем бежать, подумаю: нет ли другого решения...

— Чего ты рисуешься? Три дня будешь размышлять!.. Пока бежать уже не понадобится.

— Может, придумаю, что и правда, не понадобится бегать.

— Ты когда-нибудь голубя запускал с руки? Он царапается в ладонь, просится в небо, и ты его сердце чувствуешь—тук-тук! Или хотя бы воробья? В тебе есть любопытство? Ты пошел

бы за бугор, просто так, взглянуть, что там, за ним? Из одного любопытства? Чего молчишь?

Он вздохнул:

— Пошел бы.

— Ха-ха, тебя твои пятерки не пустят. Они на тебе висят, как гири. Тебе хоть раз приходила мысль, что когда-нибудь можешь полететь на Марс и уже сейчас тебе надо закаляться, быть крепким? Чтобы до седьмого пота, чтобы волдыри были на руках? Куда тебе!.. Я согласен, ты прочитал на сто умных книг больше меня. Ну скажи, хоть грамм силы они тебе прибавили?

Он молчал.

— Должен же кто-то придумывать и строить звездолеты для таких здоровых, крепких, как ты, Артем!—подсказал Камбарову корреспондент. Наверное, в его планы не входило поражение круглого отличника. Камбаров от поддержки восстал.

— Ученые не из бегунов вырастают. Науку и технику, да и всю жизнь двигают вперед не мускулы, а головы...

Я и вовсе разозлился.

— Что ты хитришь? Хочешь стать примером для меня?

— В чем?—спросил корреспондент.

— Да ни в чем он не может стать!—вскричал я.—Он же на самом деле страшно завидует мне! Я умею гол забить, он не умеет. Я могу через любой забор перелезть, он в жизни к забору не подойдет: боится. Я двойку переживу как-нибудь, а для него это смерть. Ему нельзя заорать, засвистеть, побежать: отличник!

— Артем, а Юра умеет делать такое, что ты не умеешь?

— Нет, конечно!

— А когда ты стоишь у доски или когда контрольную пишете, ты не завидуешь ему?

— Ну, не очень.

— Но все же завидуешь,—сказал корреспондент удовлетворенно.—Как раз это мне и хотелось услышать в итоге спора. Хорошо, когда люди по-доброму завидуют друг другу. Это помогает им ставить себе честные оценки. Они гораздо важнее тех, которые стоят в классном журнале. Мало того, такая зависть двигает науку, литературу и вообще весь прогресс.

Я подумал, что корреспондент принялся уже писать свою умную статью.

«Люди, надо завидовать друг другу»—даже не знаю, какой знак в конце поставить—вопросительный или восклицательный.

Если мне на физкультуре скажут: «Артем, все прыгают в высоту на полтора метра, а ты не можешь!»,—ну и что, чепуха! Если же скажут: «Ну что ты, даже Даянов прыгнул на полтора!»,—тут я из кожи вылезу, но выпрыгну.

Человеку хотелось взлететь, как птице,—он поднялся в небо; хотелось плавать, как рыбе,—он вошел в море. Человеку хочется говорить с далекими звездами—он научится.

Мы научимся...

Марионетта на отрядном сборе заявляет нам:
— Что же вы, ребята, выпадаете из общего строя! Оглянитесь вокруг: 7-й «А» — правофланговый, 7-й «В» — правофланговый!.. Не стыдно вам?

— А за какие дела они правофланговые?

— Вот тебе открытие — не знают! Во-первых, у них ни одного отстающего, во-вторых, они были первыми на смотре песни и строя, в-третьих, почти все участвуют в разных кружках и секциях...

— А мы им в футбол накостыляли — раз, бумажу и металлолом всегда больше их собираем — два... А когда девятиклассник их Столыпина бил, кто-нибудь заступился? Три!

— Насчитаете сейчас и восемь и десять. Все равно вы должны позавидовать и подтянуться!

Не хочется нам подтягиваться, глядя на соседние классы. Тихие они и примерные, как тусклые портреты со смытой дождями краской вместо живых лиц. Почему мы должны брать с них пример? Отшельник говорит: «Надо стараться быть не похожим, а — лучше».

Ленка жила в печали. Ей хотелось главенствовать в своем классе, где учительница — мама. А на первом месте была Марина Брандис. Была первой, по мнению Ленки, не из-за личных качеств, а случайно: хитрая Марина еще в детском саду начала переписываться с дочерью космонавта.

Ленка училась лучше Марины, и пела в ансамбле, и в балетную студию ходила. Но Марине стоило небрежно сказать на перемене: «Я письмо получила от космонавтов!» — и первый «А» млел и толпой ходил за ней весь день. А Ленкины балетные па и музыкальное сольфеджио принимались за кривлянье. В общем, не жизнь, а расстройство!

И тогда Ленка решила тоже затеять переписку. Но с кем? После сомнений, перебрав толпу киноартистов, писателей и маршалов, Ленка решила, что достойными соперниками дочери советского космонавта могут стать Агния Барто, Фидель Кастро Рус и президент Соединенных Штатов Америки.

А тут как раз знаменитая писательница по радио выступила. Она говорила, что ей приходит страшно много писем и что она не успевает отвечать на них лично. Ленку ответ по радио не устраивал. И она села писать Фиделю Кастро Рус.

«Дорогой товарищ Фидель Кастро! — такое начало появилось после многократного переписывания. — Это пишет советская ученица из первого «А» Лена Остролюцкая. У меня есть родители и старший брат Артем. А у вас есть дети? Вы им скажите про меня. Я летом нашла один гриб величиной с тарелку. Мы его уже съели. Если еще найду, я pošлю его вам в посылке. Или я засушу, а когда приедете в Советскую страну, я подарю Вам. А что Вы еще любите? Мама делает сладкую тянучку лучше магазинной. Ее можно вытягивать, как проволоку. Я еще

так не умею делать. Но хочу научиться. Напишите мне ответ. Ваш друг Лена».

На конверте она вывела со старанием: «г. Куба. Ф. Кастро Р».

Ленка понимала, что американскому президенту так писать не годится. Он не друг Советской страны. С президентом надо говорить коротко и строго.

После раздумий Ленка написала: «Вы всегда хвалитесь своей Америкой. Если бы я стала хвалиться своей страной, мне бы целой тетради не хватило. А когда свободу дадите другим народам? Напишите ответ в письме. Советская школьница Елена Остролюцкая».

Тут у бедной первоклассницы, сделавшей такое важное заявление, вообще ум за разум зашел. На «американском» конверте вверх, где «Куда», Ленка написала свой подмосковный адрес, а вниз, где «Откуда» — «Америка, Главному Президенту».

Через два дня, доставая почту, я получил это послание. Хотел я написать Ленке ответ от имени президента США. Но потом передумал и вообще Ленке письмо не показал: зачем расстраивать девочку. Тем более, президент Америки скоро стал бывшим президентом.

Поразмышляв, Ленка решила, что из-за ее письма он и ушел. Отвечать-то ему было нечего советской школьнице.

Письмо Фиделю Кастро вернулось через месяц, сплошь заштемпелеванное, с суровыми словами на приколотовой бумажке: «В г. Куба Азербайджанской ССР гражданин Ф. Кастро Р. в проживающих не значится». Тут уж не только Ленка, а и я обомлел.

Достав пудовый географический атлас, мы с Ленкой нашли город Кубу среди Кавказских гор. Да это что: в нашей стране оказались деревни — Париж, Вена, Варшава...

— Надо географию знать! — назидательно сказал я Ленке.

Через неделю я заметил, как Ленка украдкой листает атлас и шевелит губами: «Ахалцихе, Ахангаран...»

Так неожиданно попытка знакомства со знаменитостями повернула Ленку лицом к географии.

Василиса Андреевна задала на уроке литературы такую задачу:

— Представьте, что вы навсегда улетаете с Земли. Ракета у вас небольшая, буквально во всем приходится себя ограничивать. Вы можете взять с собой пять книг. Только пять! Подумайте и составьте каждый свой список!

Все стали вспоминать свои любимые книги, что еще собирались прочитать и о какой книге слышали.

— Формат книги учитывать? — спросила учительница Воропаева.

— Нет, Валенька! Можно взять хоть тома Большой Советской Энциклопедии.

Даянов, не почесав за ухом, моментально написал в тетради: «Пять штук Большой Советской Энциклопедии». Кое-кто стал вспоми-

нать тома объемом с чемодан. «Тысяча полезных советов», например: как избавиться от мух, как натирать паркетные полы и вскапывать приусадебные участки.

Василиса Андреевна собрала списки. Больше всего, конечно, оказалось приключений и фантастики. Даже Отшельник взял с собой в космос пару шпионов и одного сыщика.

— Мне кажется, лучший подбор книг у Вали Воропаевой, — сказала Василиса Андреевна. — Судите сами: «Дон Кихот», «Путешествия Гулливера», «Маленький принц» Экзюпери, сборник современных писателей и поэтов и «что-нибудь из фантастики». Вряд ли доставит удовольствие читать до седых волос «Всадника без головы». В Валином списке прослеживается не только развитие литературы, но и развитие, движение человечества. Учитывая эти замечания, еще раз составьте списки, уже качественно новые.

Теперь списки представляли чуть не всю мировую литературу: от «Одиссеи» Гомера до пиратской «Одиссеи капитана Блада». Даянов нагрузил ракету тремя учебниками истории: древнего мира, средних веков и современной. Где-то он слышал про Данте, не зная толком — фамилия это или название книги: вписал — «Данте». Оставалось свободным еще одно место. Ему пришлось в голову поостроумничать:

— Василиса Андреевна, а можно я телевизор возьму?

— Ну что ж, — сказала Василиса Андреевна. — Ты, Алик, можешь взять ящик мармелада вместо книг!

Даянов тяжело вздохнул и написал: «Что-нибудь из поэтов».

Поразил в этот раз Сережка: «Телефонный справочник и четыре пачки бумаги».

— Зачем это, Сережа?

— Буду придумывать телефонные разговоры с людьми, со всякими организациями, заводами. Каждый разговор — рассказ, вот и выйдет пять книг, — разъяснил Сережка.

Мы с Отшельником переглянулись, а в классе закряхтели:

— О-о! Еще один мыслитель!

Если бы Василиса Андреевна предложила написать третьи списки, у большинства бы полу-

*Мы стояли
под молодым дубом.
Его еще не тронула
осень...*

чились хорошие подборки. Фантазия у всех только разыгралась.

Высокие каблуки и платформу придумали, конечно, низенькие люди. Они же изобрели ходули, лестницу, верхние этажи и слова «каланча» и «дылда». Женщины придумали призыв: «Берегите женщин!»

А что придумали дети? Дети придумали свой мир.

Добрый. Справедливый. Не похожий на взрослый.

Это о нем говорят: «Загадочный мир ребенка». Говорят, забывая, что сами были детьми.

Наверное, первый раз в жизни Валя Воропаева не подготовилась к уроку. У человека может быть для этого сто зряшных причин и несколько основательных. У Вали была основательная — заболела мама. И умница Валя тем не менее мужественно вышла отвечать.

Она спокойно пересказала то, что успела прочесть за пять минут до звонка. Дошла до последней прочитанной фразы. И тут Василиса Андреевна остановила ее.

— Хватит, Валюша, а теперь... — и задала ей вопрос из предыдущего урока. И еще два дополнительных вопроса. И поставила пятерку.

Соседка Вали по парте — зубрила Наташа Пробникова на перемене догнала Василису Андреевну.

— Вы Воропаевой пятерку поставили, а мне четверку, она пять минут почитала, а я целый вечер готовилась...

Василиса Андреевна только улыбнулась.

— Ты, Наташа, не слышала притчу о художнике? Он получил заказ и за два часа нарисовал картину. Богач узнал об этом и заявил, что цена за два часа работы очень высокая. Художник сказал ему: «Я рисовал эту картину всю жизнь и еще два часа!» Вот так, Наташа!

Не знаю, поняла что-нибудь Пробка или нет...

Глава шестая, о доброте и жестокости

Вечером десятого января папа позвал меня прощаться с новогодними елками.

— Завтра их увезут из города.

Мы ходили по улицам, скверикам, по белому ночному парку, где кружилась большая светящаяся ель. Она мигала цветными огнями, как и в новогоднюю ночь, но сейчас веселить было некого, и вот в пустом парке елка мигала для себя и кружилась в последнем танце.

На привокзальной площади стояла громадная елка, похожая на старую колокольню. Был слышен свист электричек и морозный скрежет колес.

Мы дошли до Огородной улицы. Начинаясь она с крохотной площади, над которой висели два желтых фонаря. Их слабый свет терялся в ветвях елки, кажется, ничем не украшенной. Мы остановились у каких-то ворот, там нашлась лавочка. Папа молча закурил.

Было холодно, немного ветрено.

— Прислушайся, Артем! — сказал папа. — Слышишь?

Еле уловимый звон пронесся над улицей, словно где-то в небе осторожно тронули тонкие стеклянные нити. На минуту все стихло, и снова перезвон пробежал по улице. Прозвенели тысячи крошечных ледяных колокольчиков и растаяли.

Скрипел снег под шагами редких прохожих.

Папа молчал, закрыв глаза. Сигарета тлела в его пальцах. Звезды были большие и острые, как глаза далеких маяков. И опять — «Длен-нь! Лен-н-нь! Ен-н-нь!» — посыпался стеклянный, серебряный, оловянный дождь. Словно на крыши домов и на улицы долго сыпались полые хрустальные шарики.

За порывом ветра вдруг раздался жалобный звук, будто заплакала девочка. Я с тревогой посмотрел на папу.

— Это елка, — сказал он, вздохнув. — Какой-то растяпа, когда рубил, ствол ей расщепил. Ветер ее раскачивает, тяжело ей стоять.

Все холоднее становилось. Мы медленно пошли от плачущей елки. И почему-то чем дальше уходили, тем грустнее мне становилось.

Утром я пришел к этой елке снова. Рабочие срывали с нее длинные стеклянные нити. Перерубили елку пополам и кинули в кузов. Машина зарычала и ушла. Пошел снег, засыпая серые иголки.

Я свернул в парк. Елку увезли, только лежал на том месте забытый деревянный крест изпод нее.

Мы с Отшельником поехали на место гибели Гагарина. Первый космонавт Земли погиб не в космосе, а посреди русского леса. От тяжелого удара самолета образовалось в лесу небольшое озерцо. Обступили его белые березы. Сбегаются к озерцу лесные тропинки.

Как нарочно, осенний этот день был грустным.

Осенью иногда кажется, что планета Земля — остров посреди бездонного синего океана. Ни облака в синеве, ни ветра. Только летят листья, бесшумные и прозрачные, как стрекозы.

И как капелька этого синего океана — крохотное печальное озерцо на острове Земля. Падают листья. От листьев его поверхность рябая, красноватая.

Мы стояли под молодым дубом. Его еще не тронула осень, но уже чувствовалось, что вот дуб вспыхнет, как красный факел. Лист неслышно отделился от его вершины, косо спикировал на меня и на одно мгновение замер, словно лег на невидимый стол.

Я поймал его в этот момент. Лист затрепетал в руке, забился и, скользя с ладони, упрямо

закончил полет, опустился на высокую еще траву. Я поднял его и машинально сунул в карман.

— Жалко, что мы никогда уже не спрашиваем, куда закатывается солнце! — сказал почему-то Отшельник. — Как будто уже все на свете знаем!

Печальная тишина лежала в лесах.

И шли мы молча с Отшельником до далекой станции.

Вечером я отдал листок дуба Ленке.

— Храни его, — сказал я. — Он с места гибели Гагарина.

Ленка боязливо взяла дубовый лист и долго с удивлением смотрела на него. Потом он отпечатался на страницах «Русского языка», оставил там светло-желтый рисунок с тонкими прожилками. Я однажды неосторожно взял хрупкую пластинку, она рассыпалась в руках. И остался на страницах лишь восковой отпечаток.

Когда я беру в руки эту книгу, всегда вспоминаю осенний день: темное, издалека почти черное озеро, которое вблизи совсем прозрачное, небо с белой чертой высокого самолета, и мысль, что мы живем на острове посреди бездонного океана.

Отшельник говорит: «Цветок думает, что самое большое зло — коза, коза думает, что — волк, волк думает, что — охотник с ружьем...»

Мы с Сережкой по заданию тимуровского штаба ходили по одноэтажной окраине города. Зашли в один старый, вросший в землю дом. Хозяин, одинокий старик, болел. Он лежал у окна, смотрел в сад. Там под яблонями от холодного ветра ежились и потрескивали листья.

Старик нам обрадовался. Попросил нас сходить в аптеку. Мы вскипятили чай.

— Вы, ребята, не торопитесь, — сказал он. — Когда человек все время один, дни кажутся длинными. У меня родственников нет, сын только, да и то в Заполярье...

Мы сидели два часа. Старик показывал фотографии из семейного альбома, объяснял, кто кому кем приходится. Я стал томиться.

— Дедушка, может, еще что надо сделать? Дрова, например, можем наколоть. Вы не стесняйтесь, скажите!

Он полежал молча и сказал:

— Ничего мне не нужно, ребята, кроме мысли, что я сам кому-то нужен...

— Дедушка, а сын ваш... дайте адрес, мы ему напишем.

Старик махнул рукой и отвернулся.

Сад был какой-то согнутый, стволы яблонь и вишен корявые. Ледяными шагами к старому саду и его старому хозяину двигалась зима.

— В саду надо убрать, запиши, — сказал я Сереже.

— В саду... да, — пробормотал он. — А с ним как? — Он кивнул на дом.

— С ним придумать надо, Сережка!

Два дня мы убирали, укутывали сад.

Пройдет зима, расправят яблони свои заспан-

ные суставы и хрустнут, потянувшись, и снова станут зелеными. Выйдет к ним старик, и коснется его весна теплой рукой... Выйдет... Должен выйти...

Внезапно как-то открылось мне, что в жизни человека есть те же времена года: весна, лето, осень, зима. Зима в человеке и зима на дворе...

— Старик у зимой тепла больше нужно, чем яблоне, — сформулировал Отшельник. — Его одним укутыванием не согреешь...

И пришли мы к старику всей тимуровской пятеркой. Выпал первый устойчивый снег. В доме было светло от сухого за окнами снега, в печи потрескивали дрова. Старик выздоравливал, ходил от окна к окну, радовался снегу.

— Здравствуйте, дедушка. У нас тут случилась одна беда... Вы должны нам помочь...

С каким жадным вниманием он слушал нас...

Я стыжусь слез.

Всегда ли слезы признак слабости?

Я читал, что Лев Толстой плакал, сидя в зимнем лесу на пенке у незамерзающего родника.

— Ленка, ты какой хочешь быть?

— Красивой.

— А еще?

— Высокой.

— А еще?

— Умной.

— А еще?

— Гордой.

— Ну, а еще?

— Что ты ко мне привязался? Скажи сам, каким хочешь быть?

— Красивым, высоким, умным, гордым и еще — сильным. Почему язык не поворачивается сказать — добрым? Стесняемся мы доброты, что ли?

Раз я видел перерезанную трамваем собаку и бледную, плачущую женщину вагоновожатую. И молчаливую толпу рядом. Хотя это была совсем беспризорная дворняга.

А в другой раз видел, как столкнулись две легковые машины, не так, чтобы вдрызг, а просто побили фары, и два шофера яростно сцепились, делая друг с другом то, что не сделала с ними авария.

И еще видел в кинофильмах зеленые луга, алые маки, лошадей с ласковыми глазами, а потом рвались бомбы, земля выворачивалась наизнанку, с человеческим криком падали те ласковые лошади. И никому не было дела до их жизни.

И десятки раз видел, как бьет человек человека по лицу, и я сам бил, и меня били.

И сотни, тысячи раз видел, как люди с добрыми улыбками пожимают друг другу руки, и я сам пожимал, и мне пожимали.

Чего в мире больше: добра или жестокости?

Отшельник говорит: «Не жди от вороны соловьиных песен».

И еще Отшельник говорит: «Хорошо, когда в жизни бывает шиворот-навыворот, осторожность храбрая, зло доброе...»

— Мне не встречалось такое!

— Когда ты съездил хулигану по морде, твое зло доброе!

— Значит, Отшельник, у добра кулаки должны быть больше, чем у зла?

— Хорошо, если бы так было!

— Но ведь тогда кулачное добро побьет зло и само обернется злом. Против такого добра нужно выпустить другое, с еще большими кулаками. И так до тех пор, пока над всем миром будет висеть один кошмарный кулак!

— Не будет зла, не нужно будет и кулачное добро, Артем!

Сережку мать взяла с собой на Новый год в Ташкент. Потом она улетела, а Сережка остался на каникулы у тетки.

— Серый, у тебя там, в вашем Подмоскowie, девчонка есть? — в первый же вечер стал подпытываться двоюродный брат Артур.

— Нету, а зачем?

— Ну-у, ты еще ребенок, объяснять тебе! — снисходительно сказал Артур. Он был на два года старше Сережки. — Пойдем, я покажу тебе Люсю!..

Люся болела и лежала в постели: белая, с розовыми пятнами, похожая на большую новую куклу. Она тоскливо смотрела в окно. В Ташкенте зимы еще не было, продолжалась осень. Город насквозь промок от дождей. Дымы висели над трубами, как сырые хвосты.

— Я будто в поезде, который на неделю застрял на какой-то противной станции!

Так немного капризно говорила она Артуру и Сережке. Им прийти к ней — из подъезда в подъезд перебежать.

— Зато ты лежишь в мягком вагоне! — сказал Артур.

— В каменном! — Она вдруг сказала: — Знаете, что мне больше всего сейчас хочется? Снег в руке подержать. Хоть комочек бы снега. Чтобы морозный был, скрипел бы в руках...

— Ха, это мы запросто! На небо сейчас позвоним! Алло, небесная канцелярия? Где там бог? Что, совещается с чертом? А кто снегом распоряжается? Снег на Ташкент когда будете сыпать?

Артур долго еще изощрялся в остроумии, а Люся на него холодно посмотрела, откровенно зевнула и затосковала.

— Капризная Веселюся ужасно! — сказал дома Артур. — Снег ей подайте!..

— А горы далеко? — спросил Сережка.

— Не очень.

— Там снег есть, наверное?

— А самолет в Магадан не хотите заказать, господин барон?

— Зачем самолет, поездом до гор.

— Мерси, разогнался! — Артур повертел пальцем у виска. — Снег хочу, звезду хочу, в рабы тебя, несчастного, хочу! Интересно всю жизнь прожить рабом?!

— Царем, конечно, интереснее, — ответил Сережка. — Захотел — ледяную гору сделают, захотел — полстраны тебе заморозят.

— Ты, Серый, оказывается, толковый-бес-толковый у меня брат! Тебя не переспоришь!

Утром Артур встал поздно. Сережки дома не было.

— Мам, где Сережка?

— Я у тебя хотела спросить, где Сережка?

Решили, что любопытный мальчишка спозаранку пошел смотреть город.

Сережка в это время подъезжал к горам. Полупустая электричка с размаху ныряла в туннель, сердито стучала колесами: и чего тебе, мальчик, не спится?

Тропа уходила в тучи, как в вечер. Сережка скользил по мокрой желтой тропе, падал, съезжал вниз боком, спиной, животом, но вставал и упрямо лез вверх.

А шел дождь, хитрый дождь, — будто он и не дождь вовсе, а просто водяная пыль, но внутри от него становилось сыро и холодно.

Наконец посветлело.

Сережка оказался будто на чердаке под высокой стеклянной крышей. На верхних тонких тучах золотым диском лежало солнце. И под этой крышей блестяли снега.

В стороне от тропинки дымил короткой трубой домик. Сережа постучал. С широкой скамьи поднялся бородач, удивленно посмотрел на мокрого, измазанного желтой глиной мальчика.

— Садись к печи, обсыхай! — велел он. — Чай в термосе, хлеб на столе, сахара нет. Управляйся!

Сережка обжигался чаем и осматривался. Жилище было — избушка, а человек в нем — огромный.

— Всех встречаю по пословице: сначала накормить, обогреть, а потом расспросить. Куда путь держишь, добрый молодец? За солнцем?

— За снегом, — хлюпая носом, сказал Сережка.

— Ну-у, брат! И для чего? Или для кого?

— Так, одному человеку.

— Не хочешь говорить, дело твое!

Посматривая на заляпанное глиной лицо Сережки, бородач достал уголек и лист твердой бумаги.

— Выдержишь десять минут не шевелить ноздрями?

— Вы художник?

— Я не просто художник, я, брат, ленивый художник. Писать сейчас нечего, от сырости сердце расклеивается. Я когда нашел этот домишко, обрадовался, дровами запаса, продуктами. Сначала под солнцем жил, хорошо. Потом тучи пришли, мрак. Рисовать неохота. Все бока отлежал. Но вот тебя дождался...

Художник скрипел угольками и все говорил, говорил, а Сережке захотелось спать. Хорошо бы сейчас оказаться в постели, он уже ощущал, как голова вминается в подушку... Артур пошел к Веселюсе... По ее окну стучит дождь... «Хоть

комочек снега!» — произносит она... Сережа встряхнулся.

— Я пойду!

Куртка высохла до жесткости панциря.

— Богатырь ты, брат! — попрощался с ним художник.

Нижняя кромка снегов состояла из коротких грязных сосулек. Дальше снег лежал ослепительно белый. Сережке хотелось лечь на сверкающем склоне, вытянуть дрожащие ноги. Но он поднялся еще выше и услышал, как снег морозно поскрипывает под ногами. И он набрал снега полный целлофановый мешочек.

Спускался он через висящий дождь тяжело. А добравшись до станции, увидел, что снег в мешочке раскисает. Что делать? «Холодильник бы с собой взять», — с грустной иронией подумал он.

Пришла электричка, распахнула двери. Сережка послонялся по перрону, хотелось плюнуть на все, влезть в вагон. Он подходил к дверям вагона, но — «комочек бы снега!» — с тоской говорит, наверное, в эту минуту Люся... Так он промывкался у электрички, пока она не ушла. Сережка выплеснул из мешочка снежную кашу и полез опять в гору.

Артура в этот час мать допрашивала:

— Вспомни, о чем разговаривали вечером. Может, он собирался куда-нибудь?

*Сережа обжигался чаем
и осматривался.
Жилище было — избушка,
а человек в нем — огромный.*

— Никуда, вроде.

Артур после вопроса матери вспомнил, что они с Сережкой накануне говорили о снеге. Точно, укатил в горы, простофиля. Вот брат нашелся!

— Где же его искать теперь? — Мать тревожилась.

Артур слонялся по кухне, пока не уперся взглядом в холодильник. Ага! Морозильная камера в холодильнике одета в легкое платье из инея. Артур накрутил до отказа регулятор холода, моторчик загудел, погнал мороз по трубкам. «Мы и на кухне слепим шикарный снежок!» — Он развеселился.

Однако Сережка не приехал и вечером. Это оборачивалось бедой. Артур то одевался, собираясь идти искать пропавшего брата, то со злостью швырял куртку в угол. Так он и заснул полуодетый, решив: как только братишка объявится, он ему и снег и раков в горах покажет.

Сережка с художником пили чай, говорили. Печка тихо взрывалась, потрескивала.

— Дома попадет?

— Может, нет, а может, попадет.

— Сам не знаешь?

— Мама уехала домой, а тетка — не знаю еще — добрая или нет.

— Если тебя, брат, есть кому ругать, это хорошо!

На горы опускалась ночь.

— А вы где живете?

— Да в Ташкенте вообще квартира... Ничего город?

— Я не видал еще толком, — сказал Сережка. — Может, красивый. А отчего вы не рисуете просто людей, просто дома и улицы в городе?

— Ну как тебе объяснить?.. Ты же можешь спросить: а отчего вы не фотографируете? Это быстрее и точнее, чем рисунок. Правда?.. Ты пионер?

— Я знаменосец в дружине! — гордо сказал Сережка.

— Тем более. Вот идешь ты со знаменем впереди строя... Гремят барабаны... Блестит медь... И ты идешь, как на пружинах... Разве сможет фотография передать, как ты и знамя, вы взаимно освещаете друг друга, разве передаст всю трепетность красок? Нет!

Сережка задумался.

— Вот растет в городе клен зеленый, или в лесу вдруг встретился человек — это тема для художника. Тут, понимаешь, есть столкновение: живое дерево — бетон и металл города; лес, природа — человек, истребитель или защитник природы. Посмотри на эту черную скучную печку. Допустим, я сфотографирую ее такой. Ну и что?! Будет черная скучная фотография. А ты взгляни, Сережа, какие прекрасные блики бросает огонь на стену! Маленькие красные всадники мчатся в бой, несутся вперед — ты видишь? Мы, брат, показываем людям то, на что они смотрят и не видят.

— А зачем?

— Видишь ли... Ты в музеях бывал, конечно. Ну да, Москва... В музее, в картинной галее

ее ты хоть раз наблюдал дикие выходки людей? Грубость какую-нибудь? Нет. Когда много прекрасного вокруг, человек сам становится красивым. Тебе сколько лет?

— Четырнадцать.

— Много уже, брат! Пора не только ставить вопросы, но и самому отвечать на них.

Спали они на скамье, на большом мохнатом тулупе. Сны летали на бесшумных крыльях. Сережке снилось, как горы шепчутся большими ртами-пещерами, как горит гигантская печь, бросая на белые вершины тысячи красных всадников. И снежные шапки гор таяли, текли ручьями...

На рассвете художник подложил в печку несколько поленьев и ушел из домика с термосом в руках. Вернувшись через час, он разбудил Сережку.

— В термосе снег, уж его-то доведешь! Но термос потом вернуть надо, я без него пропаду.

— Вы здесь долго будете?

— Пока не состарюсь! — невесело пошутил художник.

Резко похолодало. Сережка спустился по затвердевшей тропинке. Долго не приходил поезд. Зябко на унылом перроне. Сережка дрожал. И когда забрался в вагон — выбрал самую теплую скамью.

Ехал Сережка зимней электричкой с гор. Прижимал термос, вздрагивал во сне. Он забыл про Ташкент, про Артура, забыл про Люсю, из-за которой дважды поднимался на гору. Просто его сердцу сейчас было хорошо, и сон был хороший, светлый. Не будите его, не будите!

— Эй, соня, приехали!

Сережка вышел из вагона и остановился в горьком изумлении: перед ним был тихий белый город, весь в снегу.

Всю ночь на город падал снег.

Артур утром наскреб из холодильника горстку белого снега в фарфоровую кружку. И только на улице до него дошло, почему дома было необычно светло. Кружились белые хлопья. На нарядной земле не было ни одной черной кляксы лужи. Деревьям, измученным сыростью, уже снились зимние сны.

Из дома выходила Люся. И медленно к дому приближался Сережка.

Они сошлись вторым и с первого взгляда все узнали друг о друге. Хмурый Артур с кружкой кухонного снега, Люся с еще слабой улыбкой радости, несчастный Сережка с термосом стояли в молчании. Люся-Веселюся не выдержала.

— Смотри, Сережа! — сказала она. — У тебя на куртке орден Снежной Королевы!

На высохшей желтой глине куртки мерцала громадная снежинка. Сережка хотел сохранить ее, но снежинка заскользила, обламывая лучики. Артур незаметно высыпал из кружки бледный снег, рожденный в темноте холодильника.

— Пойдем, Серый, домой, сейчас мы тебе тоже ордена и медали вручим! — пообещал он.

— Сергей, я тебя подожду здесь, — сказала Люся. — Я тебе город покажу, ладно?!

От этих ли слов или от чего-то другого Сережка выпрямился и стал выше, и пошел прямой, держа в руках термос со снегом с высоких вершин.

Почему я всегда стыжусь слез?

Мне приснилось... нет, это не кошмар, просто я не могу объяснить... Как будто я находился в громадной яме, а наверху, задирая головы, стояли возбужденные толпы людей и кричали, махали руками. В небе висел странный, спаренный самолет. По нему лупили со всех сторон зенитки. И самолет мигал вспышками, но я видел из ямы, что это не выстрелы, а световые сигналы: «Артем, у нас катастрофа!» Самолет рос, рос, и оказалось, что это гигантский звездолет, пятьдесят два километра в перечнике (почему столько?). Но он висел еще страшно высоко и походил на самолет, а зенитки палили по нему, и где-то ракеты уже принимались острыми носами к его следу. Я один знал, что это не самолет, но я сидел в яме. Я кричал, бился головой о земляные стены: «Люди, остановитесь, не стреляйте!» «Артем, у нас катастрофа!» А хищные тела ракет уже поднимались над землей. Я проснулся, задыхаясь, в горле застрял дикий крик, а тело напряглось в иступленном желании вырваться из ямы, предупредить, остановить.

— Артем, ты болен?

— Нет...

— Как же нет, милый, ты весь красный! Ну-ка, температуру... не так страшно, но давай попьем чай с малиной. И ложись опять, а я тебе почитаю.

Я не слышу, что мама читает, занятый переживаниями сна, потом слушаю ее голос и думаю: «Хорошо, что есть мама!» Потом мысль переключается: «А как живут ребята, у которых нет родителей? Если увижу, что издеваются над такими... У-ух! Побью такого!»

Папа терпеливо приучал меня работать в саду. Я сначала злился, а потом полюбил сад и полюбил работу в саду. По утрам земля дышит, она живая. Бежит сок по стволам, по веточкам. Дерево просыпается, оно живое. В руках секатор — гнилую ветку прочь, не заражай весь организм!

Осенью ходишь по тихому саду, готовишь его к зиме, к долгим белым снам. Хорошо, когда понимаешь, что на живой земле растут живые сады.

Ленка подобрала летом аиста со сломанным крылом. С трудом приволокла огромную птицу домой. Носилась с мазями, бинтами, ни о чем не говорила, кроме как о своей длинноногой больной. Вся округа знала, что Ленка Остролюцкая стала птичьим доктором.

Мне казалось, она его любит. Но аист поправился.

Поселился аист на вершущке старой закрытой церкви. Для меня аист был таким же недоступным, загадочным, как церковь. Он приле-

тал в гости к Ленке. Аист поступал умно: сидел на крышу сарайчика и распахивал огромные крылья — в комнате становилось темно, и все знали — прилетел к Ленке ее друг аист.

Однажды аист появился у дома возбужденным. Он не стал пить, есть, а только подпрыгивал, щелкая клювом, а раз даже дернул Ленку за косичку. Ленка торопилась в школу и отругала аиста:

— Ты ведешь себя не как большая птица, а будто глупый цыпленок!

На уроке ей вспомнилось беспокойство аиста. Что-то с ним случилось, а она не смогла понять. Церковную макушку она со своей парты не видела.

— Лена, не отвлекайся!

— Ольга Владимировна, можно мне выйти? — попросилась Ленка. — Я на одну минутку только!

Она с такой отчаянной мольбой посмотрела на маму, что мама отпустила ее. Ленка перебежала двор. Уже видна церковь. Белого аиста, часового города, не было в гнезде. Ленка медленно пошла к церкви. Над пустым гнездом носились, каркали вороны.

Аист улетел в далекую Африку. Путь далек — вперед, вперед! — вожак не велит оглядываться; прощай, девочка Лена!

По щеке Ленки скатилась слеза.

Она пошла не в школу, а домой. Достала свой потайной дневник и написала: «Я не поняла. Он со мной прощался. Я глупая. Когда он прилетит обратно? Скорее бы пришла теплая весна».

— Опять не подготовился, Арсентьев! — говорит Нина Михайловна. — Ладно, тройка... Но учти, Арсентьев, три пишем, два в уме!..

— У нее в уме, а у меня в журнале! — хвастает потом Арсентьев. — А журнал — документ!..

Арсентьевская тройка в журнале — доброе зло или злое добро?

Я видел, как папин брат плакал в скверике. Уткнулся головой в мохнатый бок своей собаки и плакал. Один глаз Бальдура, повернутый на хозяина, был страдающим, добрым, а другой, косящий на прохожих, — предупреждающим, суровым.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Здравствуй, Артем!

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 5.

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Глава седьмая, о страхе и смелости

Едва мы приехали в пионерский лагерь, начальник лагеря позвал меня и объявил:

— Будешь командиром «зеленого патруля». Не позволяй малышам обедаться дичками! Ужас, что делается! — Он посмотрел на мои мускулы. — Но запрещать надо грамотно, не пинками...

Я попросил в патруль двух крепышней. Мы осмотрели сад. Малыши уже висели на яблонях гроздьями. Нет, здесь нужно торчать чучелом целый день, переселиться сюда жить.

Мы написали устрашающие объявления: «Здесь вчера видели волка-людоеда. Не подходи близко!», «Когда эта яблоня была маленькая, рядом росло ядовитое дерево анчар. Не рви с нее яблок, отравишься», «Здесь водится страшная африканская змея кобра. Укусит — никакой доктор не поможет!».

Мы прикрепили эти зловещие надписи к самым большим яблоням. Вернувшись через полчаса, мы с изумлением слышали в саду гул и гомон, как на субботнике. Пол-лагеря искало страшную африканскую змею кобру — переворачивая камни на километр вокруг. Мрачноватый малый ковырял ствол «ядовитой» яблони, собираясь наполнить смертельным соком кружку.

На нас — ноль внимания.

— А ну, Тимка, доставай блокнот! — закричал я. — Записывай фамилии!

Чудеса! Через минуту сад очистился — не жалея ног, их владельцы уносили от нас свои фамилии.

На пятый день смены яблок убавилось наполовину. И вдруг мне пришло в голову: на большом листе ватмана мы написали совершенно бессмысленную угрозу: «Иди, иди! Один такой уже приходил в сад, больше не придет!» Повесили. Помогло. Ни одного фруктоеда мы больше в саду не видели.

По дворам, задирая голову к верхним этажам, ходит старушка с бидоном.

— Свежее-е молоко-о!

Ленка из окна потихоньку передразнивает: — Деньги-и далеко-о!

А когда она оказывается внизу, около старушки, молчит.

Отшельник говорит: «У нас самый храбрый — язык, потому что за зубами прячется».

— Знаешь, Артем, едем мы с Жанной в автобусе, а впереди дядька страшный-престрашный без билета едет и смотрит на нас. Мы стали лица изменять, чтобы он нас потом не узнал.

— Как это изменять лица?

— Морщились изо всех сил. Как ты думаешь, он нас не найдет?

За мной когда-то во сне бегал распроклятый Фантомас. Жуткая фигура. Засыпаю, а он уже выходит из мрака. Я на крышу, он еще выше, я в самолет — он злобно скалится из ракеты, я в море — он прыгает на акулу и догоняет. Догоняет, хватает, мучает, бьет молотком по голове.

Почему-то я ни разу не забежал во сне в милицию — это был бы удивительный сон!

Сейчас мне смешно, но тогда было не до смеха. Для всех сон — удовольствие, а для меня кошмар. Днем еще ничего, а вечером я трясся при виде постели. Потом и днем стал вздрагивать, когда видел на улице лысого.

Каждый вечер я стал внушать себе, что в постели рядом со мной лежит стозарядный автомат. Целый месяц внушал.

С каким диким восторгом и наслаждением я впервые почувствовал его в своих руках во сне. Выходи, Фантомас, получай подарок! Светящийся, горячий рой пуль сейчас пронзит мучителя.

Он не явился.

Хотите верьте, хотите нет, говорите, что угодно, Фантомас исчез навсегда. Оказался подлецом и зеленым трусом. Видимо, стал мучить кого-то другого, беззащитного и бестолкового, каким был я раньше.

— Сережка, скажи, ты ночью на кладбище боишься?

— Не-е!

— Докажи! Можешь просидеть ночь на кладбище?

— А ты, Отшельник?

— Что, бояться мертвых?

Отшельник говорит: «Если воробью бросить кусочек хлеба, он сначала испугается».

Весной в нашем городе случилась потрясающая история. Один безумный папаша с дочкой переходил замерзшую зимой Клязьму. Главное, мост был недалеко, а он двинулся по рыхлому льду. И так вышло, что почти у самого берега лед затрещал и дрогнул. Испуганный папаша мгновенно оказался на берегу, а дочку понес ледоход. Папаша ей руку протягивает — коротка рука, палку нашел — уже и палка коротка. Ринулся он в воду, сшибло его льдиной, едва сумели вытащить.

Опомнившись, безумный папаша заревел и кинулся напролом через заборы и огороды по берегу. Лед трещит, крошится, дочку уносит все дальше и дальше.

Народ собрался на обоих берегах. В этой части города движение остановилось на улицах, такой стоял крик на речке. Девчоночке орут:

— Держись!

Чем дальше мы уходили от норы, тем больше поцарапанный Арсентьев вырастал в глазах всех, особенно девчонок.

За что?

Девчоночка сделала самое умное, что можно было ей сделать: она, конечно, тоже криком кричала, но крепко устроилась на середине большой льдины, даже села на нее.

Льдина плывет к мосту. Мост не то что низкий, но и не очень высокий. Народу на мосту тьма — все суетятся, руками машут.

Льдина все ближе.

И тут три парня сделали сами из себя живую цепочку, гирлянду. Первый лежит на мосту, держит второго. Тот повис вниз головой, держит третьего. А третий, последний, тоже висит головой вниз, руками почти до льда достает. А того первого парня, что на мосту лежит, весь народ за ноги держит, как бы не упал.

Льдина подплывает... Эй, не промахнись, парень! Девчоночка руки тянет.

Подхватил ее парень, как орел уточку. Тут можно и «ура» кричать и начать медали чеканить!

Только вдруг весь народ замолчал, по мосту вроде ледяной ветер пронесся. Все съежились. Как парням подняться на мост? Ну-ка, мудрецы, посоветуйте! Ни один закон физики не подскажет, как поднять висящего, если сам висишь вниз головой.

— Парень, ты извернись!

Сам бы извернулся?

Льдины с шумом толкаются. Вдруг какая-нибудь развернется неловко! Лица у парней побуровели.

Безумный папаша вдруг заголосил:

— Да помогите им, господи!..

Толпа снова зашевелилась:

— Лестницу бы!..

— У кого есть веревка?..

— Мужики, ремни снимайте, ремни связывайте!

— Еще немного потерпите, парни!

Несколько сильных мужчин пытались вытянуть цепочку на мост. Бесполезно. Парни уже, наверное, сознание теряли, но держали друг друга мертвой хваткой.

И тут на мосту раздалась пронзительная сирена, перекрывшая и треск льда и людской крик. На мост ворвалась пожарная машина.

— Расступись!

Хорошо, что не расступились, — ухнула бы цепочка вниз.

С двух сторон цепочки пожарные выкинули свои крюкастые лестницы и ринулись вниз.

Девчоночку на руках —

а-ах!

Парня двое пожарных —

ы-ых!

Второго, не переводя дух —

у-ух!

А третьего поднял народ.

Вот!

Разнесчастный папаша был изумлен, когда два милиционера пригласили его пройти — известно куда.

— Па-азвольте, чья дочь чуть не утонула! — закричал он.

— Как раз за это и приглашаем в отделение.

В таких случаях, как любят писать газеты, смельчаки незаметно исчезают, бросив на ходу: «Не надо мою фамилию, это сделал бы каждый!» У парней не было сил отползти с дороги, не то что скрыться, они лежали пластом, просто не могли надышаться, до того им было тяжело.

Я честно спросил себя: я тоже мужчина, тоже гражданин, смог бы я сделать такое? На вопрос, который задаешь себе сам, легко ответить откровенно. Не знаю. Не знаю! Не знаю!!!

Смог бы я совершить подвиг? Не вообще — подвиг далекий, теоретический, а вот этот? И ловлю себя на том, что сказать «Да!» мне страшно, а произнести «Нет!» мучительно стыдно. Значит, и я смог бы? Ведь стыд часто сильнее страха...

Надо чаще задавать себе вопросы. Спрашивать себя всю жизнь.

В одно майское воскресенье мы отправились всем отрядом в лес собирать лекарственные травы. Нас повела Марионетта.

В лесу на нас какой-то бес напал. Мы принялись аукать, мяукать, болтать, орать, выть, вопить, лазить по деревьям, качаться на ветках, устраивать друг другу засады, одним словом, веселиться. Марионетта смеялась:

— Вот сумасшедшие! Ладно, побегайте, ди-кари, подурачьтесь, только деревья не ломайте!

— Улю-лю-лю-лю-лю!

А Сережка разнежился. Сережка лег на спину и смотрел, как в вершине сосны застряло утреннее солнце, как оно легонечко, стараясь не обжечь сосну, выкатывается из ее зеленых рук. Сережка видел, как между кустами серые пауки натягивают серебристую паутину. На лопушиный лист взобрался муравей и пошел по нему, как по зеленому полю. Сережке казалось, что он слышит, как от твердых шагов муравья лист колыхнется и гремит.

— Артем, посиди рядом!

Я с досадой отмахнулся.

— Серый, не то время для мечтаний выбрал!

Призывный клич собрал нас в толпу. Арсентьев нашел нору, уходящую под старое, завалившееся дерево. Девчонки, что были не с Марионеттой, а с нами, завизжали:

— Лиса!.. Барсук!.. Волк!..

— Медведь!.. — басами пугали их ребята. — Змей-Горыныч!..

Арсентьев стаскивал с себя куртку.

— Арсентьев! — закричали все. — Остановись, не лезь!

Не остановился, полез.

Он всунул голову, плечи, туловище, вот уже скрылись извивающиеся ноги. И после напряженной минутной тишины из норы раздался вопль. Глухой такой подземный вопль, а затем еще и невнятное мычание. Все оцепенели. Некоторые отскочили от норы прочь — глаза круглые от страха.

В нору ринулся Сережка. Ринулся—это я так сказал, он втиснулся в нее и закричал:

— Тяните!

Мы вытянули за ноги Сережку, а он—Арсентьева. Лицо Арсентьева было в крови, и всем со страха показалось, что это не лицо вовсе, а одна сплошная рана. Девчонки, повизгивая, бегом повели его к реке. И мы все за ними.

Ирка Махалина ловко перебинтовала Арсентьеву голову: на щеке была глубокая узкая рана, как от ножа.

— Как он в морду вцепится! Когти—во!—томно говорил Арсентьев.

— Кто там, кто?

— Вот дуб! Ясно же — кто!..

— Надо выкурить его!—предложил Даянов, лязгая зубами.— Хворост поджечь у входа!..

— Даянов!—закричали все.— Брось, поджигатель, истребитель лягушек!

Марионетта, увидев рану, ударилась в панику: ах-ах, страх, бегом к врачу! Схватила Арсентьева за руку и велела всем собираться домой.

Чем дальше мы уходили от норы, тем больше Арсентьев вырастал в глазах всех, особенно девчонок, и шел уже чуть ли не былинным героем.

Меня что-то раздражало в этой истории. Ужасно противно было. Тут еще я заметил, как Сережка отстал. Я нырнул в кусты и отправился назад.

— Серый!—Я его застукал у норы.—Ты что здесь делаешь?

Сережка с жадным и боязливым любопытством заглядывал в нору.

— Артем, я тоньше тебя, я полезу!..

Мы накрепко сцепили два ремня, один конец я привязал к Сережкиной ноге, а он полез. Я сидел у норы, заглядывая в ее черное горло, а минуты тянулись. Сережка пропал, и я чуть не состарился у проклятой дыры. Наконец из-под земли послышалось глухое «ы-ы-ы», и я изо всех сил потащил за ремень.

Потный, весь перемазанный, Сережка, отдышавшись, презрительно сказал:

— Там торчит поломанный корень, острый. Он об него порезался. Я загнул корень.

— А нора?—спросил я.

— Она вбок уходит. У меня сначала гибкости не хватило, а потом я руками дотянулся. Там тупик.

Мы пустились бегом догонять всех. С Марионеттой, заметь она наше отсутствие, случился бы сердечный приступ.

Отшельник говорит: «Есть страх, который можно понять, есть страх, который нужно простить, и есть благородный страх за человека—его нужно приветствовать».

Иногда мне все кажется трын-травой, а иногда я всего опасаюсь: как бы тут не спотыкнуться, там бы не ляпнуть что-то такое, после чего на тебя пальцем покажут...

— Серый, если бы с тобой все друзья перестали звать?

— Да такого быть не может! За что?

— Ага, испугался? А если бы с тобой, Отшельник?

— Это жутко!—хмуро говорит он.— Это все равно, что умереть. Этого я боюсь!

Глава восьмая, о скуке и веселье

Лень, по поговорке, раньше нас родилась. А скука и того раньше. Какой древний пережиток!

Отшельник говорит: «Веселиться через силу умеют лишь сильные люди».

Лето на дворе.

Небо дождем заряжено, льет второй день. Отшельник и Сережка уехали в пионерский лагерь, живут там, в ус не дуют. Я сам лишь позавчера вернулся из лагеря, теперь валяюсь на диване и смотрю, как бойкий паук вьет свою рыбацкую сеть.

На Клязьме бухал паровой молот. Сначала свозь дождь доносилось — «Чп-ш!», потом — «Вц-здо!» — и как-то влажно звенела чашка на столе. Вчера я с утра, пока не было дождя, как привязанная коза, торчал на берегу. Ну вбивают и вбивают свай, меня не спрашивают.

Скука.

Я по-разному пытался отделаться от нее — пел, свистел, читал, разобрал приемник. А наоборот не захотел — опять стало скучно. Скука все глубже, глубже запускала в меня когти. Я даже подумал, что по мне скоро ржавчина пойдет.

Потом я сел писать рассказ. Выбрал хорошую ручку, взял чистую тетрадь. «Я с детства люблю город Рязань.— Сам удивился, почему с этого началось.— Мне кажется, это единственный город, в котором осталось что-то от старинной Руси: от богатырей, витязей, Соловья-разбойника и бродячих гуслиеров.

Там ходит Балда по базару. Попы его не берет, сами безработные сидят. А Балда не тужит, всему городу служит — забор вокруг Рязани строит, щелчками пвозди вколачивает. Все вокруг толкаются, с удивлением на Балду смотрят. И я... поеду, посмотрю...»

Мне вдруг, и правда, ужасно захотелось самому поехать в славный город Рязань. Я сидел еще немного, бросил ручку и опять лег на диван. Паучишка бегал, таскал за собой бесконечную нить.

Дождь за окном шевелился, шевель-лился.

Я подумал, что дождь залил всю землю, мир уже по горло в этом тягучем дожде, и не пора ли мне строить ковчег? В дверь тарабахнуло. Я открыл. На пороге стояла нежданная Марионетта Григорьевна.

— Проходите! — растерялся я.

Она прошла и села на диван.

— Родители на работе, сестренка в лагере, Артем валяется на диване, — сама себе расска-

зала Марионетта. — А в это время на свете происходят интересные события.

— Что, кто-то уже ковчег строит? — спросил я с усмешкой.

— Ну-у, ковчег!

— Тогда меня не интересуют никакие события: ни которые в дальнем свете, ни которые в ближнем, — вяло сказал я.

— Через улицу. В подвале вон той девятиэтажки открылся детский клуб «Алый парус».

В подвале «Алый парус», надо же!

— Лучше бы они назвали «Дети подземелья»! — сказал я.

— Не оstri так грубо, Артем! Не они, а мы! Мы открыли детский клуб. Нам хочется, чтобы ты принял участие.

— А мне не хочется, — сказал я.

— Нам новенькое фортепиано привезли, два хороших стола для пинг-понга. Мы задумали провести шахматную олимпиаду...

— Надоело, — сказал я. — Олимпиады, спартакиады, кавезны, марафоны!

— Ты бы мог создать у нас футбольную или волейбольную команду!

Я чуть не застонал от досады.

— Во дворе мог бы, если бы ребята вернулись! И вообще мне все это неинтересно!

Марионетта огорчилась. Когда она вошла, на ней искрились капельки дождя, она была блестящая, оживленная, а сейчас сидела просто мокрая.

— Что же тебе интересно?

— Хотите знать? Пожалуйста! Землю насквозь просверлить! Клязьму повернуть назад! Колодцы выворачивать наизнанку! Четыреста кошек запрячь в бричку! Когда будете такими делами заниматься, я обязательно приду, если даже не позовете. Кошек наловлю сам!

— Артем, Артем! — Марионетта покачала головой. — Вся нормальная жизнь, по-твоему, ерунда?

— Это вам кажется, что жизнь нормальная, а на самом деле она не нормальная!

— Ты будто плесенью покрылся от сырости, Артем. Может, заболел? Может, врача вызвать?

— Это вы все больные! — не сдержавшись, зло сказал я. — Кубики, клубики в подвале, игрушки для малышей!

— Все же я позову врача! — сказала Марионетта, вставая.

— Отвечать будете за ложный вызов!

Она еще раз покачала головой и ушла.

Вечером мама, а она летом работала воспитателем в городском пионерском лагере, тоже сказала мне:

— Да что с тобой, сын, ты рассыпанный какой-то?! Тебе, друг, двигаться надо!

— Куда?

— А это все равно! С утра наладь велосипед и поезжай куда-нибудь. В любую сторону. Съезди в лагерь к друзьям. Леня в тебе угнездилась, оттого и скука и тоска.

Паук раскачал невод, убеждаясь, что соткано крепко, и притворился в углу, будто он засохшая муха.

— Эх ты, слышал, двигаться надо! — сказал я пауку и смел паутину. — А то заскучаешь сидя!

Он огорченно задержал лапками и побежал по потолку.

Назавтра я починил велосипед и покатил к Отшельнику и Сережке. До лагеря можно было добраться прямой дорогой и в обход лесной тропинкой. Я двинулся лесом.

На полпути меня догнала свирепая гроза. Над высокими зонтами сосен желтые злые тучи с грохотом дрались. А я ехал себе, звонил в звонок.

И тут тучи ахнули таким тяжким ударом, что я свалился с велосипеда и заполз под дрожащий куст. Там под листьями попискивала обомлевшая мышь. Я лежал рядом с мышью, и мне казалось, что я сейчас лопну: этот адский гул наполнил меня всего, распирая ребра изнутри. В лесу раздавались глухие взрывы, это, наверное, бились о деревья разлетающиеся осколки чудовищного грохота!

Мне захотелось зареветь под мокрым кустом. Вдруг лю-новому вспомнились эти два дня: каким я был занудой, нытиком. Как посмеялся над Марионеттой, над «Алым парусом», мирно вplyвшим в тихий подвал...

Неужели людьми мы становимся, когда над головой гром грянет?

Яростно пролился ливень, будто Земля на бешеном ходу проскочила сквозь водопад. Налетел ветер, в небе что-то хлопнуло и словно свистнул гигантский юнут. Гроза унеслась пугать, а может быть, и приводить в чувство другие леса и других людей.

Я тихонько поехал дальше. Я ехал, удивляясь всему и все запоминая: грибные запахи, вымытое небо, лесную дорогу с лукавыми поворотами.

Как будто в новом мире на новом велосипеде ехал новый человек.

Какой народ самый веселый в мире?

Говорят, на далеких островах живут беззаботные люди, которые день и ночь смеются: когда солнце, когда звезды, когда дождь, когда палец покажут...

Счастье ли это?

Отшельник говорит: «Всегда быть веселой умеет лишь кукла, и то — новая».

Я читал, что в Америке проводятся такие соревнования: кто больше сигарет выкурит, кто дальше плюнет, кто быстрее пианино разломает... На конкурсе «смехачей» один несчастный смеялся подряд чуть не двое суток. Всех пересмеял, у всех челюсти свело давно, а он все смеялся.

Жутко, наверное, было смотреть на него, беднягу.

Отшельник говорит: «Соловей веселится — поет, а огонь веселится — дом сжигает».

Ирка Махалина дала в своих «Вилах» ужасную заметку, почти слово в слово списанную из

сборника «Анекдотов о Ходже Насреддине»: «Артема Остролуцкого поймал в своем саду хозяин:

— Ты как сюда попал?

— Поднялся ветер, и меня перебросило через забор...

— А за пазухой что?

— Ветер бросал меня из стороны в сторону, и я хватался руками за яблоки...

— А почему за пазуху складывал?

— Сам удивляюсь...»

Всем было весело от этого старого дурного анекдота. «Сам удивляюсь...» Никогда бы я так не сказал. Вот Махалина, вот кому-то достанется невеста, не обрадуется!

Смех лечит. Сколько раз мы слышали эту фразу! Хочешь быть веселым человеком, надо чаще смеяться. Развеселить других — посложней, но и это можно. А вот всегда помнить, что смех — лекарство, и веселить при этом всех — слава такому веселому человеку!

Мальчиш у нашего дома решили организовать цирк. Ленка записалась в певички и акробаты, Жанна пошла в дрессировщицы, дошкольник Минька Голопятов вызвался в фокусники. Меня для поддержания авторитета цирка позвали директором.

Расположились мы на уютной лужайке. Я произнес короткую вступительную речь:

— Много существует на свете всяких цирков, но ни один не сравнится с нашим. У нас цирк без подделок и махинаций. За честным исполнением номеров следят сами зрители. Назы-

вается цирк «Мы и сами с усами!». Объявляю первый номер: песня «Арлекино» в исполнении популярной, но пока никому еще не известной певички Елены Остролуцкой.

Ленка спела уже надоевшую песню про Арлекина. Потом она запрыгала по лужайке, взмахи-

*Тучи ахнули
таким тяжелым ударом,
что я свалился
с велосипеда
и пополз
под дрожащий куст.*

вая широкими рукавами — изображала двадцатипятиграммовую бабочку. Последний номер был ничего: Ленка переворачивалась через голову, да так быстро, что ноги в черном трико замелькали, как черные спицы в велосипедном колесе. Я и не подозревал в сестренке таких талантов. Под восторженные аплодисменты малышей и двух чых-то бабушек Ленка поклонилась и села.

— Страшнее кошки зверя нет! Эту поговорку придумали не поэты и не мыши, а циркачи! Кошки — самые не поддающиеся дрессировке звери! Но сейчас Жанна со своим всемирно известным котом Джоном хочет доказать, что это не так.

— Надо, чтобы было тихо! — сказала она мне.

— Кто вякнет, выведу из цирка! — предупредил я. — Величанский, уберись со сцены!

Жанна позвала:

— Кис-с, кис-с!

Из-за спины малышей появился черный котиче, большой и мрачный. Он шел медленно и важно. Жанна чуть сгорбилась, кот вспрыгнул на ее плечо, изогнулся и потерся о Жаннин затылок.

Жанна устроила замечательное представление. Котище послушно ходил за ней, валялся на траве, задумчиво жуя свой хвост. Когда Жанна достала из кармана конфету, он сам развернул ее и слопал.

Проделав все это, кот умильно посмотрел на Жанну: мол, довольна ли ты мной, душа моя хозяйка?

Все были в восторге, даже я хлопал.

— Самые знаменитые индийские факиры, маги и йоги просят директора детского сада номер тридцать разрешить им увидеться с Минькой Голопятовым. Они хотели бы поучиться у Миньки фокусам. Директор сейчас раздумывает — разрешить или нет, потому что фокусы Голопятова почти государственная тайна, военный секрет. Таких чудес ни в Индии, ни в Африке еще не видели! Так что смотрите во все глаза и удивляйтесь!

Дошкольник шумно дышал за моей спиной.

— Очень хитрые фокусы! — хриплым от волнения голосом выкрикнул он. — Первый фокус думательный: кто отгадает, какие мысли у меня в голове?

С минуту все ошарашенно молчали.

— Не знаете! — победно сказал дошкольник.

— Наверное, глупые! — басом сказал второклассник Величанский. — Какие могут быть мысли у такой балды?!

— Это у тебя глупые!

— У меня есть одна умная мысль! — закричал второклассник. — Треснуть тебя по башке!

— Артем!.. — обратился дошкольник.

— Замолчи, Величанский! — сказал я. — Без билета, наверное, пролез, а разоряешься как с билетом. Шпарь дальше, Миня!

— Видите воду в бутылке? — Минька показал бутылку с водой. — Отвернитесь все, через минуту воды не будет!

Все отвернулись. Было слышно, как булькает в узком горлышке вода. Мы все опять повернулись и увидели, как Голопятов спиной к нам старательно выливает воду из бутылки.

— Все? — спросил я.

Он показал пустую бутылку.

— Все.

— Эй, Голопятов, фокусник! — крикнул Величанский. — Такие фокусы дома козе показывай!

— Я еще по-турецки сидеть умею, — неуверенно предложил дошкольник, — и загадку знаю: текет, а не Волга, что такое?

Я больше не мог, меня всего трясло от хохота. Величанский выпучился, стал красным и закричал: «О-хо-хо!» Через минуту трава на лужайке полегла — зрители катались, держась за животы.

— Мировая загадка, Голопятов! — стонал Величанский. — Бежит, а не собака!

И все наперебой стали кричать:

— На дереве, а не яблоко?

— Идет, а не дождь?

— В лес, а не по дрова?

— Большой, а не умный?

— Внимание! — сказал я, когда все немного успокоились. — Тяжел труд акробата, дрессировщика, клоуна. Выходя на сцену, эти люди думают о том, чтобы развеселить и порадовать нас. Награда им — наши аплодисменты. Что же, поблагодарим Миню Голопятова!

Может быть, никогда в жизни Миньке больше не будут хлопать так, как в этот раз. Он сиял от счастья. А когда Величанский крикнул со смехом:

— У дошкольника на плечах, а не голова, — что?

Пять или шесть голосов ответили:

— У тебя самого... кочан!

Утром я вспомнил, что сегодня день рождения мамы.

— Ленка! — сказал я. — В доме номер восемнадцать объявляется аврал! Моем полы, посуду... чтобы все в доме блестело!

И еще мне пришло в голову: хорошо бы испечь пирог, большой именинный пирог с изюмом, поджаристой корочкой, поставить его к приходу мамы на стол, покрытый белой скатертью, и окружить тонкими, горящими свечами.

Я взял большую фарфоровую чашку, насыпал в нее муки, налил воды, разбил туда же пять яиц, накидал изюму и стал месить тесто. Получилось, но какое-то странно липкое. Я весь перемазался. У меня даже на ухе висел комочек теста, а руки я поднимал с трудом...

— Ленка, тащи сюда противень и соскребай с меня ложкой! — велел я.

Она так и сделала. Получился полный противень теста. Я пригладил его, вывел буквы: «Маме» и сунул в духовку. И мы с Ленкой сели ждать, когда в доме запахнет пирогом.

Через пять минут из духовки повалил дым. Пирог сверху был жидким, а снизу подло горел.

Я убавил огонь и сунул пирог на прежнее место. Дым повалил почти сразу — черный, едкий.

— Я знаю, что делать! — предложила Ленка. — Надо его перевернуть в другой противень и с другой стороны жарить.

Я хотел перевернуть, он не отлипает. Тогда маленький противень с пирогом я положил вверх дном в другой, побольше. Получился железный сундучок: в середине — пирог.

Когда я снова вытащил это металлическое сооружение, оно дымило на полу, трещало и подпрыгивало. Я погнул нож, пытаюсь отлепить один противень от другого, потом взял молоток и стал выколачивать пирог. Пирог выколачивался по кускам, и они валялись по всей кухне.

Ленка молча со страхом смотрела, во что превратилась кухня.

— Молчишь?! — сказал я ей. — Женщина называется! В пирогах ничего не понимает! Тесто даже не умеет делать!

Ленка заплакала. Я опомнился.

— Ну, Ленка, хватит, извини! Извини, говорю, а то сейчас тресну! К черту пироги эти, давай быстро приберемся!

Мы прибрались. Я побежал на Клязьму и, в чем был, прыгнул в воду. От меня по реке пошло мутное облако, мальки так и закружились вокруг. Настроение было такое, что домой идти не хотелось. Конечно, я был уверен в маме, знал, что она не будет ругать за погубленные изюм, яйца и муку. Просто я сам ругал себя и злился.

А мама обняла меня и сказала:

— Спасибо, сынок, что ты хотел испечь мне пирог! Ну не получилось... У меня тоже не все сразу получалось, и я говорила себе: не вешай носа, улыбнись и попробуй еще.

А потом был белый стол и прекрасный именинный пирог, испеченный мамой, и тонкие горящие свечи вокруг. Я ткнул пальцем в пирог и профессионально сказал:

— Хорошо прожарился!

И все засмеялись. И я сам засмеялся.

Отшельник говорит: «Добрый смех лечит, злой — калечит».

Глава девятая, о любопытстве и тяге к путешествиям

Я знаю мальчишку, убежавшего однажды с двумя буханками хлеба на Олимпиаду в Канаду. Похудевшего, но ужасно гордого тем, что сумел добраться «почти до Греции» (как он говорил), путешественника привез милиционер и сдал заплаканной матери под расписку. И стали его звать с тех пор Попандопуло. Может быть, из зависти.

Через некоторое время он удрал в Ашхабад.

Говорили, что вроде он с кем-то поспорил, будто сумеет на верблюде пересечь красную пустыню Кызылкум. Вместо того чтобы дать ему ездового верблюда, его посадили на жесткую скамью в ашхабадском детприемнике. Когда его вернули из Ашхабада, он заимел среди мальчишек полный титул — Саксаул Саксаулович Попандопуло. Но это его не заботило.

— Откуда в тебе зуд? — горько произнесла его мать. — Ты же вроде умный сын у меня!

— Не знаю, — сказал сын. — Просто у меня голод на путешествия.

— Может, твою голодную душу досыта накормить? — предложила умная мать. — Хочешь, я куплю тебе билет — поездом до Хабаровска или теплоходом до Астрахани?

Сын отказался.

— Не-е, мам, с билетом неинтересно. Я его выброшу все равно и поеду так.

— Обо мне ты не думаешь... — сказала мать.

Сын решил:

— Ладно, мам, не буду я больше удирать! Но купи мне велосипед.

Велосипед ему купили.

В третьем классе я мечтал о кругосветных путешествиях. Плынешь на могучем корабле, думалось мне, а за кормой остается вечный след открытия: остров Мельникова, залив Отшельника, архипелаг Артема...

В четвертом я узнал, что ни на земле, ни в океане не осталось даже бородавки, которую можно открыть и назвать своим именем — все давным-давно открыто и названо. И тогда решил стать летчиком. Я прыгал на землю из окна второго этажа, делая промежуточную посадку на крыше сарая, прыгал до тех пор, пока не подвернул ногу.

В пятом хотелось иметь своего ослика, как у веселого Ходжи Насреддина. Ездил он на ослике и раздавал знаменитые шутки: бедным — добрые, богатым — ядовитые. И я хотел так. Приезжаю в Бухару и говорю: «Минарет — это вывернутый наизнанку колодец, да?» Все смеются.

В шестом одно время меня ужасно избивали на тренировках, я так уставал, измочаливался, что стал мечтать: наполнить бы вагон душистым сеном и ездить на сене по разным континентам и странам: по Турции, по Бразилии, по Мексике...

Я не рисуюсь, не хочу показать себя каким-то особенным. Почти все мальчишки мечтают жить в пути, в приключениях. Я это хорошо знаю.

Я взял в библиотеке «Сказки» Кипплинга со стихами.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию.
И я хочу в Бразилию,
к далеким берегам.

Я читал Ленке сказки и каждую заканчивал этим стихотворением.

— Это лучшее в мире стихотворение! Пони-маешь, лучшее!

Сколько интересных мест на Земле!

В Пизе чуть не миллион лет падает башня, и едут туристы посмотреть на нее. Пизанцы время от времени начинают плакаться на весь мир: ой, наша башня вот-вот, скоро-скоро упадет-рухнет. И едут, едут в этот хитрый итальян-ский город толпы любопытных.

Хочется походить по дорожкам в ташкентских садах. Они, наверное, желтые и скользкие из-за осыпающихся абрикосов.

В пятом классе мы решили отправиться в Чили.

У нас вначале было три бумажки со словами «Азия», «Африка» и «Южная Америка». На всех этих континентах творилась несправедли-вость. Везде нужны были крепкие бойцы, кото-рые могли бы постоять за дело освобождения на-родов. Но все-таки мы засобирались в Чили. Заправлял в этой стране злобный и весь чер-ный, как старый ворон, генерал Пиночет.

Приняв решение ехать, мы мешкать не ста-ли. Только оружия у нас не было достаточно: «воздушка» — стартовый пистолет Сережкиного брата — и тяжелый охотничий нож моего отца. А денег совсем не было.

— Продадим велосипеды, — предложил От-шельник. — На такое дело не жалко!

В одно воскресенье мы отправились за город и в первой же деревеньке лихо продали три ве-лосипеда прижимистому старику. На велосипед-ные деньги купили двенадцать буханок хлеба и шесть килограммов конфет. Путь предстоял сложный — поездом до Одессы, оттуда в трюме попутного теплохода — через океан — в Америку.

В тот же вечер попрощались со своим горо-дом. Знайте все — мы уехали не грибы собирать, не сады обворовывать, не с Волохом с соседней улицы разбираться, а помогать народу освобо-ждаться от тирана!

Мы подобрались близко к сортировочной гор-ке. Вдоль длинного товарного состава ходил усатый железнодорожник. Я его спросил:

— Этот состав, случайно, не в Одессу на-правляют?

Он хмуро сказал:

— Как это ты угадал!..

В углу одного из полуоткрытых вагонов — знаете, такие без крыши — лежали огромные ро-гожи. Мы зарыли в них тяжелый рюкзак и сча-стливо притаились сами. Скоро состав с ляз-ганьем стал вытягиваться на главный путь.

И пош-ш-шли, пош-шли, пошли, поехали, по-мчались, понеслись мы стальной дорогой к сво-ему героизму. К героизму, из которого могло и не быть возврата назад. Про-ща-а-йте!

Вслед за нами спешило тяжелое вечернее об-лако, притворялось быстрым, летучим. Но за

нами ему было не угнаться. В грохоте колес пришла первая железнодорожная ночь, облако растворилось в небе, словно медуза в море.

Над вагоном зажглась яркая голубая звезда, и мы сказали себе, что это наша звезда, и ус-троились спать на рогожах, переглядываясь со своей путеводной звездой.

Ночью мы просыпались, подталкивали друг друга кулаками, переговаривались шепотом. Поезд иногда подолгу стоял на станциях, дер-гался. Его, кажется, постоянно растаскивали и обновляли. Но наша звезда неугасимо сверка-ла над железной дорогой, над всем миром — наш вагон не трогали.

Утро и весь следующий день поезд то стоял, то подпрыгивал на хорошем ходу. Мы торопли-во «глотали» километры и терпеливо грызли черствеющий хлеб, заедали им конфеты.

В нас тогда все перемешалось. Вроде игра, и в то же время витало рядом приключенческое слово «вдруг». Вдруг мы и в самом деле добе-ремся до Чили...

— Оружия у нас нет, — сказал я. — Отшель-ник, тебе нужно приготовить хорошую речь!

Отшельник вытащил из рюкзака блокнот и карандаш, отсел от нас и забубнил:

— Слушай нас, измученный народ Чили!

А колеса все стучали, стучали — на юг, на юг! У нас от конфет внутри все слиплось, и стра-шно хотелось пить, но мы этого друг другу не говорили, а терпели до вечера, пока поезд не встал на перегоне у мостика через речку. Мы напились студеной воды до того, что с трудом влезли обратно в вагон.

Под ворохом рогож мы пережили несколько коротких гроз.

К вечеру второго дня, по нашим расчетам, мы должны были подъезжать к Черному морю. Здесь уже и сердца застучали сильнее, и гово-рить мы стали вполголоса.

— Уже и небо другое! — шепотом восторгал-ся Сережка. — Немного бледнее и немного си-нее, чем в Москве!

— Здесь морского кислорода больше! — ав-торитетно объяснил Отшельник.

Мы ехали, мчались, вдыхали южный воздух.

— Чш-ш, граница рядом!

На одной вечерней станции состав долго пе-рекатывали по путям, он весь издергался, и вдруг наш вагон неожиданно легко покатился под горку.

Потом со скрипом отъехала дверь, и показа-лась черная железнодорожная фуражка.

— Те-те-те! — сказала фуражка. — Транзи-ты-паразиты! Вылезай, приехали!

Мы вылезли, прихватив рюкзак.

Над большим вокзалом пылало громадное слово — «Москва».

Куда же мы мчались три дня? Что, все это время катались вокруг Москвы?

— Пошли! — сказал нам железнодорожник.

— Куда?

— На кудыкину гору.

И мы, точно, полезли на гору, где оказалось здание железнодорожной милиции. Железнодоро-

рожник сдал нас здоровенному кудрявому лейтенанту.

— Куда, мальчики, наострились? — спросил лейтенант.

Сережка брякнул:

— В Чили.

— Что, что?

Терять уже было нечего, я подтвердил:

— В Чили.

— А что, в России вам тесно? — спросил лейтенант.

— Да нет, знаете, мы не просто так собра-

лись, мы едем на вооруженную борьбу, — солидно сказал Отшельник, делая свой вклад в наше саморазоблачение.

— Елки зеленые! — лейтенант взлохматил кудри. — Может, у вас и оружие есть?

— Есть, но мало! — сказал я. — Если бы вы нам еще два пистолета дали! — Теперь-то, два года спустя, я могу заявить, что сказал так нарочно...

На хохот лейтенанта из другой комнаты вышел еще милиционер, длинный и сутулый. Он мрачно посмотрел на нас.

— Куда, мальчики, наострились? — спросил лейтенант.

— В Чили, — брякнул Сережа.

— Откуда чижики?

— Это не чижики, это вооруженный отряд! — смахивая слезы, сказал лейтенант. — У тебя случайно не завалилась пара лишних пи-столетов? Нужны им для одного дела!

Потом шутки кончились. Сутулый милиционер повел нас узким коридором в глубь милиции. В маленькой комнате уточнил интересные его подробности и заключил:

— Я бы вам такое Чили прописал...

— Железная дорога сейчас подсчитывает убытки! Два дня вагон занимали, знаете, сколько стоит?! Всю жизнь платить будете!

Да, не хотелось бы оказаться его сыном. У такого отца попробуй получи двойку или пролей за обедом компот — отхватишь пятнадцать суток.

— А как же поезд? — вспомнил Сережка. — Дядька же говорил, что к Черному морю!

И вот примчались за нами наши матери. Сережкина мать взяла сына обеими руками за голову, посмотрела в глаза и расплакалась. Моя мама молча взяла меня за руку и вздохнула. Зато с Отшельником что было: мать сначала хотела ухватить его за ухо, но постеснялась. Досталось философу!

Отшельник говорит: «Река начинается с родника, а жизнь с вопроса».

Ленка спросила:

— Артем, почему нет человека, который ответил бы на все «почему»?

Однажды Отшельник получил странную телеграмму: «Встречайте чукотского друга». Кроссворд. У них с матерью все друзья жили не дальше нашей улицы.

— Может, ты пощупил? — допытывалась у Отшельника мать.

— С чего бы мне над собой шутить! — ответил Отшельник.

— Значит, ошибка, — решила мать.

Но скоро пришла вторая телеграмма: «Приезжай такого-то». Мать заволновалась. Мать с Отшельником притащили с базара арбуз, а из леса ведро грибов. Мать состряпала душистый грибной пирог, напекла всяких роголек и застелила стол праздничной скатертью.

А никакого друга не было. Мы напрасно прождали весь день, а вечером сами сели за стол и принялись есть заготовленные сладости. И только разохотились, только по зеленой шкуре арбуза побежала трещина, открывающая алое, сочное нутро, в дверь поскреблись.

— Можно?

Мы все вскочили.

Дверь открылась и пропустила какое-то существо. Мы сразу даже не поняли: мужчина это или женщина? Длинные светлые волосы спускались ниже плеч, обрамляя широкоскулое лицо с нежной желтоватой кожей. На ногах мягкие, красивые сапожки. И вот эта человечина сказала с порога интересное слово:

— Дирастуйте!

Первой опомнилась мать Отшельника: она больше нас видела в жизни.

— Здравствуйте, проходите! Вот сюда, рядом со мной. Ребята, режьте арбуз, что вы! Какой там арбуз! Мы устали на это чудо среднего рода. Наступило шловное молчание. Потом Сережка ляпнул:

— А вы парень или девушка?

Мать Отшельника замахала руками, но оказалось, что как раз такого вопроса не хватает для начала беседы. Существо засмеялось и заговорило на тарабарском языке, и понемногу выяснилось, что оно парень, действительно с Чукотки, с самого мыса Уэлен. Зовут парня Ульяном. Он разносит на Уэлене почту. Разносить ее на Уэлене иногда ой как худо. В сильный шторм ветер забрасывает красную рыбу на крыши домов. В такие дни он сидит на почте и читает все газеты подряд.

— Я пёнерской газете тивой расказ видел, Мишья, адриес тоже видел, думаю, оту-пуск тебе ехать надо! — закончил он, широко и светло улыбаясь всем.

Нас эта история потрясла и восхитила.

— Да вы угощайтесь, арбуз вот берите! Ребята, человек с дороги, а вы насели!..

— Я подарки привез...

Ульян втащил оставленный в сенях огромный белый чемодан, в котором могли бы уместиться и медвежья шкура, и соболя, и рыба всякая, и вообще половина мыса Уэлен. А Ульян вытащил из чемодана:

костяную фигурку,

несколько костей,

серый грязный камень.

— Вот эта мой диед был! — Костяная фигурка изображала старика, сидящего на корточках у костра. Это я так подумал, что у костра, потому что по бубну плясали крошечные красные блики. — Это медвединый, как это, на ногах... йе, когть. Это китова зуб, кит есть злой, большой голова. Это волка тири зуба!

Мы сидели и млели.

— А это, — он поднял камень, показывая его всем, — это самый далекий каменень на наша земля. Далише — вода, окьян. Бери себе памьяты!

Мать Отшельника тоже повертела камень, потом решила, что утро вечера мудренее, она утром разберется и с подарками и с гостем, и обратилась к нему:

— Ульян, мы рады видеть вас в гостях! Как говорится, чем богаты. Сейчас поужинаем, а утром ребята покажут вам город, за грибами сходите в лес...

И вдруг последовал ответ:

— Ниет. Я немногo сижю, потом обиратно ехать надо.

Мы ничего не понимали, мы еще не успели опомниться от его появления, а тут...

— Что?

Выяснилось, что ехал Ульян к Отшельнику в гости ровно полмесяца и столько же сейчас надо потратить на обратную дорогу. Такая вот картина.

— Мне домой Орос есть... собака бо-ли-шая... — Он показал, какая громадная собака

Орос у него. — Друг! Сидит у диорога, ждет! — И подпер рукой щеку, показывая, как терпеливо ждет его верный пес Орос.

Мы с Сережкой разбежались по домам и наспех, с пятого на десятое, рассказали про изумительного гостя. Потом, вернувшись, пошли все вместе провожать Ульяна.

— Дома жил, думал — земля маленький, окьян болишой, — говорил он тоненько. — Теперь думаю, земля еще болишой, чем окьян!

Вот и электричка засвистела, и мать Отшельника совала Ульяну узелки и свертки с напеченным, и вот уже уехал он, а мы все смотрели друг на друга как большие дурни и ничего пока не могли сообразить.

Появился, как привидение, и исчез так же, умчался опять на край земли.

Чудо-человек!

Если бы эту историю мне рассказали, я бы того человека, который рассказывал, не задумываясь, назвал брехуном. Но самому себе я не могу не верить!

Из медвежьих когтей, китового и волчьих зубов мы наделали амулеты на цепочках. Я немного носил коготь медведя, но он зверски втыкался мне в грудь, даже ранка появилась. Но и она потом стала памятью о далеком чукотском друге.

Если Василиса Андреевна спросит класс:

— Куда соберемся в субботу — в наш краеведческий музей или к Золотым воротам во Владимир?

Все в один голос:

— Конечно, во Владимир!

Если бы спросила:

— К Золотым воротам во Владимир или к бухте Золотой Рог на Тихий океан?

— У-у, конечно, на Тихий океан!

Ленка взялась допытывать маму.

— Ну скажи, мам, почему мне сразу не объяснят всего?

— А зачем тебе все знать? — спрашивает мать.

— Чтобы я больше не думала над тем, что все люди знают!

— Ты хочешь сразу стать старушкой? — говорит мама.

— А молодые не знают всего?

— Да и старые-то не знают всего!

— А есть хоть один человек, который знает все-все на свете?

— Нет, Лена.

Отшельник говорит: «У любого деда меньше ответов, чем вопросов у его внука».

Наткнувшись в лесу на древнюю железную дорогу, мы пошли по ней. Насквозь проржавленная, забытая всеми дорога. Мы хотели дойти до ее начала или конца. Шли чуть не полдня. Дорога прохладным тоннелем вела нас под крышей темного векового леса. Ежевика росла между шпалами, а в одном месте на белой, словно косяной, шпале заснул заяц. Веселым свистом мы проводили его в лес.

Потом мы остановились, повернули назад. Мы сказали себе: «Ну и хорошо — не дошли мы до конца дороги, не дошли до начала».

Пусть дорога подождет нас!

И пусть она будет кругосветная!

Дорога без начала и конца...

Глава десятая, о том, как мне хочется жить

Чтобы всем людям можно было говорить ясно и приветливо:

— Здравствуй...

И чтобы мне отвечали не кивком, не бормотком, а с чистой улыбкой:

— Здравствуй, Артем!

КОНЕЦ

